

КРОКОДИЛ

№ 29 • ОКТЯБРЬ 1975

— Сегодня на собрании тявкнешь на меня раза два, чтобы не говорили, будто я зажимаю критику.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ЛЮДИ НА ОСТРОВЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗДУМЬЕ

А остров ли Сахалин? Сто с гаком лет назад авторитетный мореплаватель Невельской сказал категоричное «да», но я, побывав здесь и осмотревшись, выражаю сомнение. До этого мне, в общем-то, не приходилось бывать на островах, и распаленное многочасовым перелетом воображение рисовало нечто необычное. Необычное я нашел, однако, не там, где рассчитывал.

На Сахалине есть все, к чему попривык мой материковый глаз. Проспекты, которые могут посостязаться с уличной магистралью любого города, железная дорога, лучший на Дальнем Востоке парк. Заложен и вымахает в грядущем пятилетии первый на острове высотный дом... Еще недавно существовало хотя бы то отличие, что не произрастало здесь чеснока, но сейчас и он перестал быть экзотической культурой для Сахалина: второй сезон обильно выращивает его совхоз «Молодежный». Помидоры же здесь таковы, что я не поленился привезти их за несколько тысяч километров в Москву. Попробовали гости и ахнули, и не поверили, что был я на краю света, а не в среднеазиатских субтропиках.

Если же вы хотите знать, кто окончательно уничтожил островную автономию Сахалина, то извольте: Василий Степанович Былков, кавалер ордена Ленина. Произошло это публичное посрамление географии 15 июня 1973 года. Именно в этот день кавалер высокого ордена провел, не замочив ноги, железнодорожный состав через знаменитый Татарский пролив. Правда, указанный состав помещался в чреве гигантского парома-ледокола и соответственно Василий Степанович именовался не машинистом, а капитаном, но это уже не столь существенно. Главное, железный путь отныне не прерывается на побережье, а много ли вы знаете островов, на какие можно приехать поездом?

ХИТРЫЙ ФИЛИМОН ФИЛИМОНОВИЧ

В общем-то, производится на острове все: уголь и книги, нефть и модельные туфли, чугунное литье и макароны, бумага и пиво...

Итак, чего только не производят на Сахалине, но солирует, безусловно, промышленность рыбная. Сахалин и рыба — как разделить эти понятия? Третья же часть всего улова области приходится на рыболовецкие колхозы. Самый крупный и самый лучший из них — колхоз имени Кирова. На всю страну известен, ибо именно он был инициатором Всесоюзного социалистического соревнования среди рыболовных колхозов за успешное завершение девятой пятилетки.

Колхоз не только выступает с починами, но и первым активно воплощает их в жизнь. О бессменном председателе колхоза Филимоне Филимоновиче Семенюке я наслышался столько, что встречи с ним ждал даже с некоторым беспокойством. Сумею ли так обрисовать его, чтобы читатель поверил: Филимон Филимонович может все!

Знаменитый председатель артели понял меня с полуслова.

— Достаточно одного эпитета — хитрый. Напишите: «Хитрый Семенюк»,— и этим будет сказано все. Я, например, не только председатель, но по совместительству начальник поселкового коммунхоза. Вода, канализация, тротуары — все на мне. Современный человек хочет в комфорте жить — вот и приходится заниматься этим самым комфортом наравне с производственными проблемами. Своими силами возвели в поселке телевизионный ретранслятор, теперь как помехи,— так на меня жалуются, а «Орбита» ведь не в моем ведении. Колхоз мощный, колхозу многое под силу, но спутники «Молния-1» мы пока что не запускаем. А все остальное — пожалуйста.

Понимает хитрый Филимон Филимонович, что любую производственную проблему решают люди, и оттого первая забота — о них. Родился, например, у молодых ребенок, они — к председателю, двухкомнатную квартиру просят, которая отныне полагается им по существующим нормам. Однако хитрый Филимон Филимонович отрицательно качает головой:

— Не дам двухкомнатную. Вот ключи от трехкомнатной.

Так огораживает себя председатель от хлопот в будущем, когда появится в семье еще один ребенок и потребует семья жизненного пространства.

Надо ли говорить, что понятие «текучесть кадров» забыто в колхозе за древностью? Правда, накатывает раз в году осенняя путина, и тогда недостает своих людей, но ведь вы помните, что председатель Семенюк может все, кроме запуска спутников. Прочно налажена связь колхоза с материковыми учебными заведениями. Студентов встречают у трапа самолета с автобусами и везут в общежитие, где уже сверкают в ожидании белоснежные койки и светится экран телевизора. Прибавьте сюда заработки, от которых к концу путины тихо стонет не слишком мощная торговая сеть потребкооперации. У многих проблема: как удержать студента на трудной сезонной работе? Здесь же студент не спешит возвращаться в родные учебные пенаты.

Так хитрый Филимон Филимонович работает с людьми.

ИДЕМ НА НЕВОД

По правде говоря, я был убежден, что в наш век больших морозильных траулеров прибрежный невод можно увидеть разве лишь на иллюстрации к пушкинской сказке или, если очень повезет, в музее. А тут вдруг слышу:

— На невод пойдете?

Молча взираю на бригадира прибрежного лова Алексея Перевалова...

Наша встреча произошла у подножия сопки, где когда-то нес у орудия службу молодой Алексей Перевалов, а вот теперь ловит здесь красную рыбу.

— Так пошли? — повторяет бригадир, и я согласно киваю, исподволь косясь на свои не слишком приспособленные для хождения по воде штиблеты.

Установлен невод метрах в двадцати от берега, но даже на тяжелой весельной лодке не просто «дойти» до него — так разбушевался накат. После нескольких малоудачных попыток, во время одной из которой вашего корреспондента уже на полпути к воде подхватила сильная рука бригадира, нам наконец удается обмануть волну, и вот мы «на неводе». В сеточных коридорах, исполненная достоинства, движется к загону аристократичная горбуша. Отсюда ее на баркасе доставят к берегу, прямо в разделочный цех Корсаковского рыбокомбината. Временный цех этот маломощен и не всегда справляется с уловом, чем вызывает великий гнев бригадира Перевалова. Оперативно прибывший на шум директор комбината Николай Васильевич Ли отгораживается от упреков прогнозами биологов. Хилой будет путина в нынешнем году — так обещали они, а рыба пошла, да так пошла, что по швам трещат производственные мощности.

Из года в год растет воспроизводство лососевых пород (и прекрасно! — говорим мы, плотоядно потирая руки), а эти самые мощности не расширяются. Вот проблема, какую уходящая пятилетка передает пятилетке грядущей. А пока что которую ночь не смыкает глаз начальник цеха Иван Прокопьевич Ясинский и его жена — икорный мастер Любовь Павловна.

Облачившись в накрахмаленный халат, иду во владения Любови Павловны. Думаю, вам нетрудно будет представить, какое впечатление произвели на меня, человека, привыкшего видеть красную икру лишь на бутербродах в хорошем буфете, центнеры, тонны деликатеса в просторных чанах. И все-таки это было не самым сильным впечатлением от моего посещения хозяйства Любови Павловны. Треть сырьевого продукта идет в отходы, поскольку, оказывается, мы до сих пор не умеем достаточно тонко отделять икринки от ястыковой пленки, в которую «упакована» она. Пусть и у вас, читатель, потекут слюнки, как потекли они у меня, когда я прикинул, сколько же десятков тысяч аппетитных бутербродов могли бы разнообразить привычный витринный антураж из запотевшего голландского сыра и краковской колбасы, не будь мы столь расточительны. Который год ждут производственники нового слова технологов, а они молчат. Вот еще проблема, которая перешагнет из нынешней пятилетки в следующую.

ГОРБУШИНЫ ЯСЛИ

Два десятка специальных заводов выращивают рыбу в Сахалинской области. Один только Калининский завод выпустил за пятилетку в Японское море свыше трехсот миллионов мальков кеты. Предприятие коммунистического труда постоянно перевыполняет план на 10—15 процентов...

Лично мне это, правда, было не очень понятно. Как можно перевыполнить план по выпуску прихотливой живой продукции, если число ячеек в инкубаторах строго определенно, а рыбешками-близнецами, что выклевываются из одной икринки, природа не балует?

Заинтересованный этим феноменом, я отправился на рыборазводный завод, что расположен на реке Лесная. Директорствует здесь Кармен Александровна Князева — я хорошо запомнил эту фамилию, поскольку неоднократно слышал ее в словосочетании «князевское рыбье стадо». Такого пока нет, но вот-вот появится — в районе ждут не дождутся этого дня. Венец работы каждого рыбразводного завода — обзавестись своим «стадом», то есть теми десятками тысяч особей, которые, погуляв по морям-океанам, непременно возвратятся на нерест туда, откуда они когда-то вышли.

Главный рыбовод Лесного завода Валя Дубровская осторожно ввела меня в сумеречное помещение с затемненными окнами. Икринки не любят света, икринки не любят шума, икринки не любят стоячей воды — все эти рыбьи прихоти выполняются свято. В бесчисленных сотах зреет будущая горбуша. По весне тридцать два миллиона мальков выплывет в море — таков план, но, согласно предсъездовским обязательствам, он, конечно же, будет перевыполнен. И тут-то я задал свой каверзный вопрос:

— Каким образом?

— Ну как же? — удивилась моему ихтиологическому невежеству главный рыбовод.— Мы ведь их лечим, ухаживаем за ними. Если хорошенько постараться, можно на нет свести запланированный отход.

Так беседовали мы, и в прохладной тишине нам безмолвно внимали миллионы запеленатых в розоватые шарики живых существ.

ПЕРЕД СЛЕДУЮЩИМ ШАГОМ

Многое, очень многое успешно завершено на острове, но сколько не сделано еще! Одни проблемы уходят в прошлое, решенные, но тут же на месте их появляются другие, о которых и не помышляли несколько лет назад. Давно ли радовался Сахалин, что птицефабрика «Центральная» произвела сорок миллионов штук яиц,— то был год 1971-й, старт пятилетки, но вот подошли к финишу, и другая забота: куда яйца девать?

Впрочем, и добытчики газа производят голубого топлива больше, чем может потребить остров. А между тем буровой мастер В. А. Тимофеев в любую минуту может продырявить еще одну газоносную скважину — на это он шустер. Так что только успевай поворачиваться, потребитель.

Проблема изобилия... Она грядет, она все ближе, и хоть она много приятней, нежели проблема дефицита, но и ее следует встретить во всеоружии.

Словом, проблем много, а иначе и не может быть, ибо финиш, к которому мы движемся сейчас с захватывающей дух скоростью,— финиш промежуточный. Впереди многие километры нелегкого пути. Но уже сейчас полнокровно оправдались слова одного прозорливого человека, побывавшего на острове без малого сто лет назад: «В будущем здесь, на этом берегу, будут жить люди счастливее, чем мы».

Фамилия этого прозорливого человека — Чехов.

Сахалин.

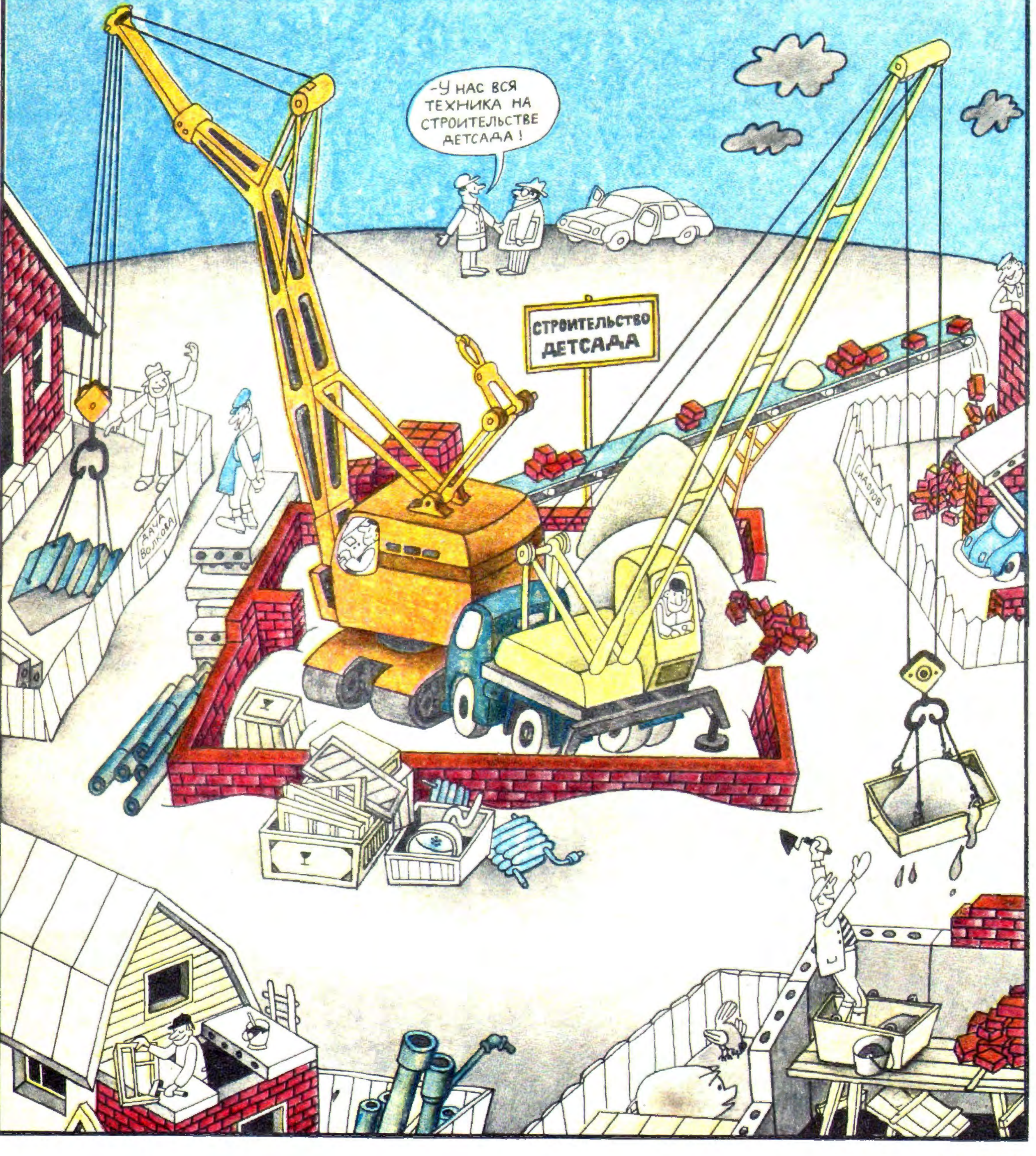

Рисунок В. ШКАРБАНА

Владимир КОНСТАНТИНОВ, Борис РАЦЕР

ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК

Прибыл в трест экономист
С вузовским дипломом,
Молодой специалист,
Вежливый и скромный.
Дали юноше оклад,
Место в общежитье,
А с квартирой, говорят,
Малость обождите.
Тут другой бы поднял крик,
Трест послал бы к черту,
Ну, а этот выпускник
Был иного сорта.
Хоть землянка, хоть шалаш,
Хоть совсем без места —
Ни за что бы парень наш
Не ушел из треста.
Дело в том, что первый взгляд
Иры-секретарши
Отозвался, как раскат
Свадебного марша.
Говорил с ней пять минут,
А узнал немало:
Что кончает институт,
Что в Москве бывала,
Любит джаз — и рок, и бит,
И еще Шекспира,
Что четвертая стоит
В списках на квартиру.
Что девчат здесь перебор,
А парней немного...
Этот краткий разговор
Стал любви прологом.
То ль весна тому виной,
То ли век наш быстрый,
Но в ближайший выходной
Он назвал ее родной,
Милой, самой близкой!
И сказал: «Я вас люблю,
Быть должны мы вместе!».
В общем, скоро по рублю
Собирали в тресте.
Только вдруг (ах, это «вдруг»!)
Поломалось счастье —
Без пяти минут супруг
Стал с другой встречаться.
Ну а Ире написал
Краткую записку:
«Я нашел свой идеал —
Катю-машинистку.
Так что к прошлому теперь
Я путей не вижу,
Для меня она, поверь,
Всех на свете ближе!»
Правда, в жизни идеал
Редко можно встретить,
Но в одном жених не врал —
В том, что Катю он считал
Ближе всех на свете.
С ней, конечно, не могла
Состязаться Ира:

Катя первая была
В списках на квартиру!

г. Ленинград.

Игорь ЧЕРВЯКОВ

Проект—в жизнь!

Рассказ

Вызывает меня начальник. «Получай,— говорит,— молодой, растущий-цветущий, первое самостоятельное задание. Выдай проект коттеджа для сельского жителя. Традиционная изба должна потесниться, и ты потеснишь ее!»

Я с жаром принялся за дело, и вскоре рабочие чертежи проекта лежали на столе у начальника. О, это был не дом, а дворец! Четыре изолированные комнаты, просторная кухня с погребом и кладовкой, солнечная терраса вместо извечных сеней плюс летнее помещение на чердаке. Хлев с самоочищающимся стойлом соединялся с домом теплым переходом, рядом планировался сарай-гараж. Не была забыта также и собачья будка подле крыльца.

— Браво! — воскликнули члены экспертного совета и рекомендовали мою работу к серийному выпуску.

Осваивать производство новых домов поручили экспериментальному домостроительному комбинату при нашем проектном институте.

— Пробиваю рац,— похвастался как-то полузнакомый технолог за обедом в столовой.— В новом домике для села меняю стеновые панели из бетона на древесно-стружечные. Удешевляю, брат...

Этот вариант не выдерживал никакой критики по параметрам тепло- и звукоизоляции. Я побежал в БРИЗ. Протестовать оказалось бесполезно. На заводе горел план по рационализации и изобретательству, поэтому каждое предложение встречалось здесь с распростертыми объятиями.

— Чего шумишь? — подталкивая меня плечом к двери, наступал бризовец.— Из одного котла хлебаем, архитектор. Не выполнит завод план по БРИЗу — всем премию скостят. И тебе в том числе! Соображаешь?

Через месяц нормировщик Ивановский, мой товарищ по заводской волейбольной команде, после очередной тренировки предложил отправиться в пивной бар.

— Деньги за рацуху получил,— объяснил он.— Сейчас осваиваем новый домик для деревни, так я убрал все перегородки внутри. Сто нормо-часов долой!

Дальше пошло как по маслу. Уменьшить габариты дома в десять раз и сократить таким образом расход материалов предложил вахтер Еремеич. Я уже не удивился, когда узнал, что монтажники предложили собирать мое детище, обходясь только половиной малогабаритных деталей. А смышленый ученик крановщика Илюша, несмотря на свой двухнедельный трудовой стаж, доказал как дважды два, что во всем этом деле можно запросто обойтись без сарая-гаража и собачьей будки вместе с самоочищающимся хлевом, а фундамент для жилища вообще вреден.

...С некоторых пор, бывая в сельской местности, я с умилением разглядываю крохотные будки, что стыдливо ютятся где-нибудь в заднем углу приусадебного надела. Ведь если внимательно присмотреться, то это — мои коттеджи.

«...И вот весь 4-й класс «Б» 29-й школы вовлекли в «общество спасания на водах», то есть собрали по 35 копеек, раздали билеты и значки. А у нас в городе не только речки — и лужи-то порядочной нет. Поэтому 11—12-летние ребятишки не то, чтобы спасать,— плавать не умеют. Ну, скажи, дорогой Крокодил, кому и зачем нужно такое «мероприятие»?»

(Из письма Э. Степанцовой, г. Анжеро-Судженск, Кемеровской области).

ВОВЛЕЧЕНИЕ БЕЗ УВЛЕЧЕНИЯ

Письмо взволнованной читательницы вытряхнуло из чулана моей памяти кое-какие запылившиеся воспоминания.

Тогда — было это лет тридцать назад — постигал я в институте электротехнические премудрости. Постигал, могу вам ныне признаться, без высокого напряжения, ибо Максвеллу предпочитал Марк Твена, вольтаж путал с вольтижировкой, а рубильником долгое время считал топор.

Так вот, однажды, когда профессор что-то там искрил насчет коротких замыканий, я дезертировал с лекции. Но тут-то, в коридоре, меня и законтачил заместитель декана.

— Сбежал с лекции? — прозорливо угадал он.— Так-и-за-пишем.

И записал. Тут же. В научное студенческое общество.

Дело в том, что общество это у нас в институте испытывало недоохват студенческой массы. Вот и пополняли его ряды косными диэлектриками вроде меня — как бы в наказание за нашу инертность.

Кому же и зачем, если повторить простодушный вопрос Э. Степанцовой, это было нужно?

Ну, естественно, это было нужно родному институту в лице его руководства. Ну, конечно же, это нужно было затем, чтобы обскакать родственные техвузы по масштабам вовлечения студентов в научно-техническое творчество.

Огульно-поголовный способ приращения рядов добровольных обществ восхитителен тем, что при минимуме организационных усилий дает максимальный арифметический эффект.

Прибегает, скажем, владелец «Жигулей» в ставропольский магазин «Автомобили» за 30-копеечной железякой, а ему:

— Вчленьтесь в общество «Автомотолюбитель» — тогда продадим.

Это значит — выкладывай сперва десятку (вступительный и годовой взносы), а потом и обретешь искомую детальку.

Стратегия поголовного охвата успешно применяется не только на сухопутье, но и там, где вода, вода, кругом вода. Вот радиограмма, гигантским веером разлетевшаяся через океаны и континенты с руководящей рубки Черноморского пароходства. Она адресована

ВСЕМ СУДАМ

Срочно до 5 июля 1975 года создать первичные организации ОСВОД зпт собрать членские взносы зпт оприходовать судовой кассе последующим перечислением бухгалтерии...

Впрочем, моряки-черноморцы, переславшие нам этот циркуляр, отнюдь не против спасания на водах. Более того, они согласны просвещаться при содействии общества «Знание», овладевать брандспойтом в шеренгах добровольных пожарников и даже быть друзьями зеленых насаждений,— тем паче, что во всех этих и еще в добром десятке других обществ они уже числятся. Они хотят только одного: вот именно з а н и м а т ь с я в обществах, а не просто фигурировать в ведомостях на уплату взносов. Увы! По большей части членство в обществах, как пишут моряки, «остается только на бумаге».

И в целом вырисовывается явно несообразная картина. С одной стороны — упоительно округлые, точно радужные мыльные пузыри, цифры охвата и вовлечения. С другой — несчетные тысячи охваченных и вовлеченных, готовых по мере сил д е л о м помочь д е я т е л ь н о с т и обществ. То есть охваченных пока что лишь круговертью отчетной цифири, а не участием в живой работе. Уже вовлеченных, но еще не увлеченных.

Закругляясь с ответом на вопрос тов. Степанцовой, хочу дружески посоветовать ей: не удручайтесь! Если в Анжеро-Судженске все же есть, говорят, какое-то болотце, от которого попахивает влагой, то вот уж в Элисте безводно по-настоящему, по-пустынному. Даже надбавка к зарплате здесь такая: за безводность. И тем не менее тут тоже с должным оргразмахом вовлекают в ОСВОД.

Согласитесь, тов. Степанцова, элистинцам еще обиднее. Взносы в пользу спасания на водах им приходится платить из надбавки за безводность...

Фельетонист

Юрий БОРИН,
специальный корреспондент Крокодила

Второе «я» за тридевять земель

Когда перегревшееся за день солнце уходит ночевать в прохладу гор, храбрые джигиты возвращаются с работы в свои сакли. И хотя пословица горцев в переводе Н. Гребнева гласит: «Ты не гордись, не размышляй нимало, там спать ложись, где ночь тебя застала»,— джигиты предпочитают спать в собственной постели.

И только Славик Тевосян ухитряется быть в одно и то же время и дома и в гостях.

Каждый вечер он открывает дверь сакли № 52 по улице Хрусталева в городе Грозном со словами:

— Здравствуйте, это я, Славик!

На что сам же отвечает:

— Здравствуй, Славик, садись, гостем будешь!

На Кавказе умеют принимать гостей. Славик Рубенович принимает себя по-царски. Лучший кусок — гостю. Лучшее вино — гостю.

Славик-гость приехал из маленького Гудермеса, а разве в Гудермесе могут так принимать гостей, как в Грозном?

Потчуя гостя, Славик-хозяин развлекает его беседой.

— Расскажи, дорогой, как там жизнь, в твоем Гудермесе?

— Хорошо, дорогой, хорошо.

— А живешь в общежитии?

— Где же еще? Спасибо людям, дали койку в общежитии электроподстанции. А ты как?

— И я, дорогой, хорошо. Спасибо товарищу Яхшибекяну, приютил он меня в своей квартире.

Меж тем кавказская ночь опускается на землю, чтоб дать ей отдых и прохладу и освежить прозрачной росой будущий славный день. И Славик Рубенович Тевосян, молодой инженер, выпускник Московского энергетического института, специалист по пуску и наладке электрооборудования на нефтезаводах, воссоединяясь в одном лице, засыпает сном праведника в своей сакле на улице Хрусталева в городе Грозном. Он засыпает спокойно, потому что сакля эта, а если точнее — дом, принадлежит ему по праву личной собственности, что официальными документами удостоверено и нотариально заверено.

А в другой сакле, точнее — квартире, спит его непосредственный начальник — Колесниченко Дмитрий Кириллович. Дмитрий Кириллович спит в городе Грозном, на проспекте Революции, в доме № 30, а его тень витает в городе Ессентуках, в квартире его друга Воронова Николая Федоровича. При этом в отличие от самого Дмитрия Кирилловича его тень имеет постоянную прописку.

Автор пока не решается дать объяснение этому физическому парадоксу, он лишь констатирует факт: человек безвыездно живет в Грозном с женой и детьми, а тень его неотлучно присутствует за много километров от Грозного. И если Славику Тевосяну легко — садись в лодку и плыви по быстрой Сунже до самого Гудермеса, то Дмитрию Колесниченко куда труднее. Даже самый сильный джигит на самом горячем скакуне не так скоро доскачет до Ессентуков.

Вот почему Дмитрий Кириллович, подобно Славику Рубеновичу, снимает в Грозном угол.

Славик Рубенович снимает его у некоего Яхшибекяна, который при ближайшем рассмотрении оказывается мужем его родной сестры.

Дмитрий же Кириллович квартирует у пенсионерки О. Н. Машинец, которая, как выясняется, доводится ему мамой.

Читатель ждет, что автор сейчас раскроет все карты и отомкнет все ларчики, объяснив, зачем понадобились такие сложные манипуляции начальнику Грозненской бригады пуска и наладки энергетического оборудования Д. К. Колесниченко и его ближайшему помощнику С. Р. Тевосяну. Но разве сами Колесниченко и Тевосян объяснили это сразу? Разве не прошло полтора года, пока не раскрылся их секрет? И разве раскрылся он не вопреки их желанию?

Разгадка проста. Если бы Колесниченко и Тевосян, постоянно проживая и работая в Грозном, были бы здесь и прописаны, не видать им командировочных как своих ушей. А теперь, дорогой читатель, давайте отправимся... ну, хотя бы в Ярославль. Конечно, Ярославль не Северный Кавказ, и в разгар курортного сезона такое путешествие не каждому по душе, однако дело прежде всего.

Итак, что мы видим в Ярославле? Мы видим, что работники аналогичной бригады товарищи Третьяков и Шалимов неожиданно сменили место жительства. Жили-жили в Ярославле и вдруг покинули его. Н. С. Третьяков, например, укатил в Днепропетровск, а М. В. Шалимов — в Первомайск, Ворошиловградской области.

Однако, если говорить честно, это не они укатили. Это укатили их вторые «я». Уехали из Ярославля аж на Украину, прописались постоянно и живут там. Тут уже физика похлестче, чем Грозный — Гудермес или Грозный — Ессентуки. Тут тысячами километров пахнет.

Мы с вами могли бы попутешествовать и по другим городам и весям страны, где трудятся подобные бригады. Мы узнали бы немало интересного из жизни теней и из области раздвоения личностей. Но это было бы утомительно.

— У нас таких восемьсот человек,— дает справку главный бухгалтер союзной конторы «Оргнефтезаводы» Лидия Петровна Балагина.

И обеспокоенная союзная контора спешит в город Грозный, чтобы грозно вопросить Колесниченко и Тевосяна, на каком основании они вот уже полтора года получают командировочные и квартирные, будучи прописанными не там, где живут. Союзная контора садится на «ТУ-134» и мчится на берега Сунжи, дабы выяснить тайны раздвоения личностей вышеуказанных товарищей, каковое (раздвоение) позволило им положить в карман в общей сложности 2 500 руб. 80 коп. государственных денег.

Дотошно и скрупулезно работает комиссия в составе руководителя группы ЦНИИОэкономики Всесоюзного объединения «Нефтехим» В. Крылова, исполняющего обязанности начальника конторы «Оргнефтезаводы» Б. Пирятинского и главного бухгалтера упомянутой конторы Л. Балагиной. Комиссия изучает документы, опрашивает людей, докапывается до истины. Да и как не докопаться, если В. Крылов — ревизор с большим стажем, Б. Пирятинский — опытный инженер, а Л. Балагина — большой специалист в финансовых делах. Трепещите, проверяемые, от острого глаза таких ревизоров ничто не укроется! Сейчас грянет акт и тогда...

Акт грянул. Вот его квинтэссенция:

«В результате проверки личных дел, ведомостей на выплату командировочных расходов, счетов за проживание на частной квартире установлено, что выплата командировочных работникам Грозненской пусконаладочной бригады производилась правильно».

Так считают не только члены уважаемой комиссии. Так считает и генеральный директор Всесоюзного научно-производственного и проектно-конструкторского объединения «Нефтехим» тов. Дейнеко Павел Степанович, который утвердил акт комиссии.

Но скажите мне в таком случае: каким образом вышеупомянутая комиссия смогла докопаться до истины, если она никуда не выезжала из Москвы?

Нет, как хотите, а я все-таки считаю, что в Грозный выезжали их вторые «я». Единственное, чего я не знаю, получали ли эти вторые «я» командировочные и квартирные.

Грозный — Москва.

— А это знаменитая Долина Гейзеров. В этом году ее посетил миллион туристов.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

НУ, УКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

Способствует ли телеграф прогрессу или, наоборот, тормозит его?

Не улыбайтесь, представьте себе такую ситуацию. Завод систематически срывает поставку деталей другому предприятию. А когда это предприятие пытается вызвать к ведомственному телетайпу директора завода-поставщика или какого-нибудь другого руководителя, телетайпистка однообразно отстукивает: «он занят», «у него совещание», «он не разрешает мне вызывать его к аппарату». И прочее в таком роде. В общем, вместо делового разговора — бесполезные электроимпульсы.

Из этого факта авторы фельетона «Ну подойдите, пож.!» («Крокодил» № 26 за 1974 год) сделали парадоксальный вывод: телеграф мешает техническому прогрессу!

С выводом не согласились. Редакцию заверили, что телетайп тут ни при чем. А если начальник производственно-сбытового отдела Каменск-Уральского завода по обработке цветных металлов Лоханский Э. М. не подходил к аппарату, так это исключительно «по стечению обстоятельств». И вообще во всем виновата заводская телеграфистка, которая непонятно почему не хотела приглашать к аппарату заводских руководителей.

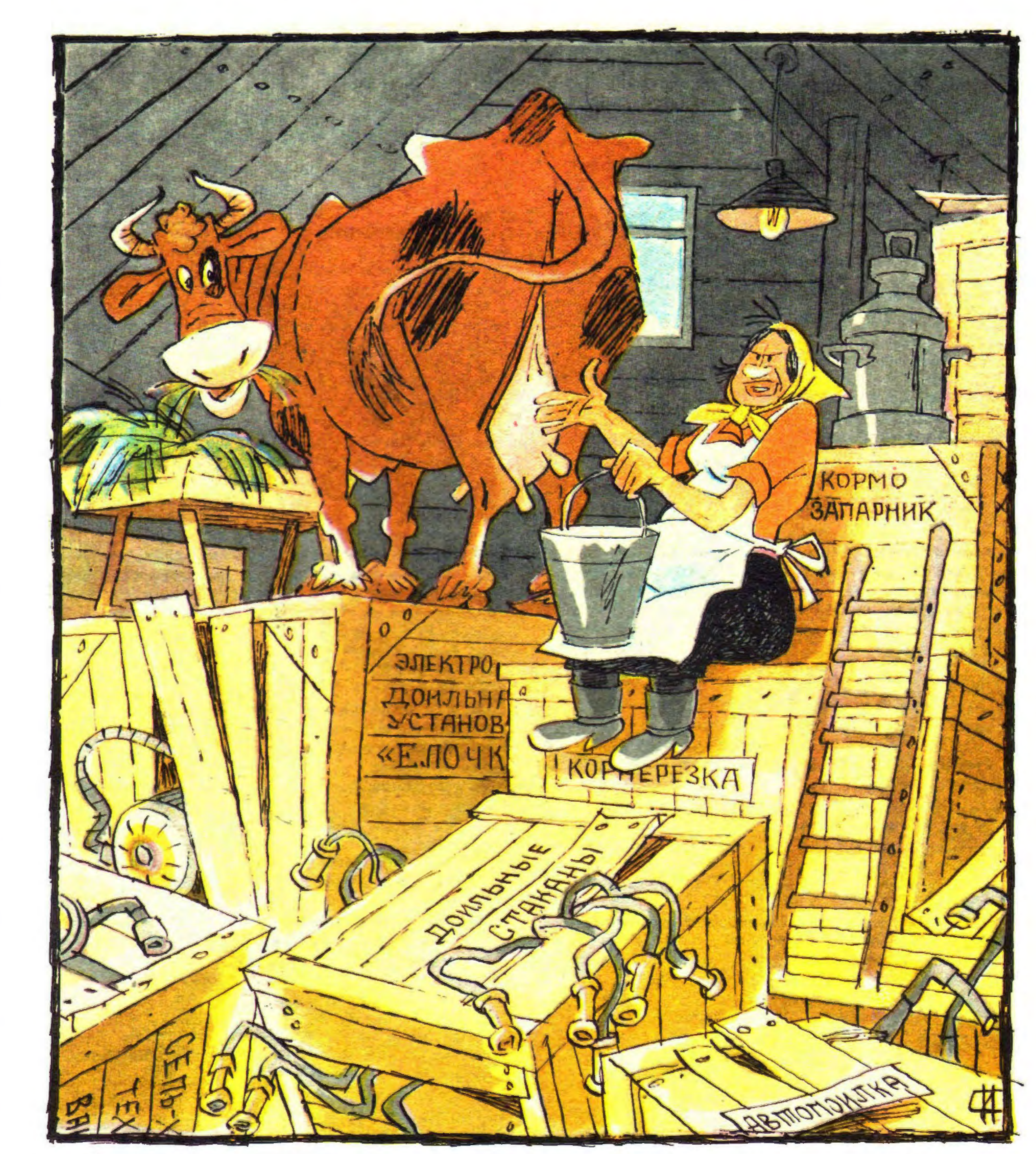
Так написал нам директор завода В. С. Таушканов. Правда, заместитель министра цветной металлургии СССР В. С. Устинов поправил директора и сообщил, что «тов. Таушканову В. С. указано на недопустимость изложенных в фельетоне недостатков в организации информации по заказам и использования связи по телетайпу и телефону». Директору Каменск-Уральского завода предложено навести «четкий порядок в этих вопросах».

Судя по поступающей в «Крокодил» почте, тов. Таушканов слишком прямолинейно понял указание министерства. Все свое внимание он устремил на наведение порядка в использовании связи и упустил из виду порядок в выполнении заказов других предприятий.

Вот сигнал из Подольска: Каменск-Уральский завод недопоставил 15,2 тонны манганина, сорвано изготовление проводов для многих заводов страны.

С Орловского часового завода: Каменск-Уральский завод срывает поставку тонкой часовой проволочки — «волоска».

Срыв поставок ленинградскому заводу «Союз» тов. Таушканов объяснил тем, что в июле — августе 1974 года выходил из строя головной агрегат. С тех пор прошел год. Кто же виноват теперь? Может быть, опять телетайпистка?

— Понаставили разных ящиков, корову подоить негде!

Рисунок И. СЫЧЕВА

И. ДВИНСКИЙ,
В. КОВАЛЬ

НОРМАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

Рассказ

За дверью хихикали и мешали работать. Барановский вышел в коридор и попросил:

— Потише, товарищи.— Затем он вновь уселся за стол и нарисовал с натуры перекидной календарь. Барановскому срочно надо было составить план квартальной рассортировки, но ему мешали работать. Теперь хихикали за стеной.

— Да тише вы, товарищи! — рассердился Барановский. За стеной хихикали по-прежнему. Тогда Барановский открыл дверь, распахнул окна и заорал что было сил:

— Я, Барановский, работаю! Вы все мне мешаете! Дайте же мне нормально работать!!!

И стало тихо. Очень тихо. Да так, что Барановский испугался: «Может, я сгоряча лишнего наговорил?» Он тихонько вышел из комнаты и прислушался. Из-за приоткрытой двери в конце коридора доносился шепот начальника:

— Товарищи, прошу прекратить курение. Возможно, Барановский не переносит дыма.

— Стенографировать? — спросила секретарша.

— Не надо,— произнес голос зама.

— Надо,— возразил голос председателя профкома. Началась очень тихая перепалка, из которой Барановский ничего не мог понять, кроме неоднократного повторения своей фамилии.

Было слышно, как этажом выше обронили лист циркуляра.

— Тише вы,— зашикали наверху.

Барановский юркнул к себе и заперся на крючок. «Что же теперь делать? — подумал он и заштриховал тени на рисунке перекидного календаря.— Ведь надо что-то предпринимать». Посмотрел в окно. Внизу сидели доминошники и о чем-то беседовали, указывая пальцами наверх.

— Ни черта не слышно,— пробормотал Барановский, забираясь на подоконник. Затем он шагнул по карнизу, ухватился за водосточную трубу и спустился по пожарной лестнице.

В палисаднике окруженный кустами сирени стоял стол. За столом сидели доминошники. Один из них говорил:

— И никаких стуков. Начальство велело создать Барановскому условия. Причем нормальные, что характерно. Он, дескать, способный, подающий надежды... А таких у нас, сам знаешь, раз, два и обчелся...

— Чего там,— сказал второй,— создадим. Теперь Барановский себя покажет.

Барановский шагнул сквозь кусты.

— Может, партийку сыграем? — начально предложил он. Доминошники опешили.

— А если потихонечку, то ведь, наверно, можно? — спросил самый молодой и бесхарактерный.

— Нет,— твердо сказал главный доминошник.— Тут дело в принципе.

— А что за принцип?—Барановский изобразил удивление.

— Газеты читать надо,— хором ответили доминошники.

«Ого! — подумал Барановский, покидая палисадник.— Вон дело куда зашло. Оперативно, ничего не скажешь! Хотя странно: в сегодняшней газете вроде ничего не было. Наверно, экстренный выпуск».

— У вас про Барановского есть что-нибудь? — спросил Барановский, подойдя к газетному киоску, и тут же увидел большую фотографию, где он, Барановский, жмет руку улыбающемуся человеку в черной блузе с белым отложным воротничком.

— Это сегодняшняя газета?—неуверенно спросил Барановский.

— Нет, завтрашняя,— серьезно ответил киоскер и тут же пояснил: — Район новый, от центра далеко. Трудности с транспортом и доставкой. Завозят два раза в неделю: сегодняшнюю, завтрашнюю и послезавтрашнюю. Хотите послезавтрашнюю?

— Нет,— испугался Барановский,— не надо. Мне бы эту — про Барановского.

— Послезавтрашняя, кстати, тоже про Барановского. А также музыкальный триумф.

Барановский сунул руку в карман, но денег там не нашел. Деньги были в пиджаке, а пиджак и шляпу он оставил на работе.

— Может, подарите экземплярчик? Я ведь тот самый Барановский и есть.

Киоскер устало захихикал:

— Во-первых, не похожи,— сказал он,— а во-вторых, Барановский сейчас в Риме.

— Как в Риме? Тут ведь написано: «Барановский работает, нормальные условия Барановскому!»

— Так это завтрашняя газета. А есть еще и послезавтрашняя, понимаете?

«Впрочем, я действительно хотел бы побывать в Риме»,— думал Барановский, направляясь к Основному проспекту.

— Такси! — крикнул он, и такси остановилось.

— Здравствуйте,— сказал таксист,— садитесь, пожалуйста.

Барановский сел.

— Мне в Рим, пожалуйста.

— Рим? — переспросил таксист.— Вы знаете, я в Москве недавно, могу заблудиться.

Барановский объяснил:

— Сейчас поедем по улице академика Умнококина, потом по переулку Юных Горнистов выезжаем на Основной проспект. Дальше прямо.

— Ага,— вспомнил таксист,— это западнее Бухареста и южнее Брюсселя.

— Правильно. Только денег у меня нет,— предупредил Барановский.

Шофер широко улыбнулся:

— Зато у меня навалом! — Машина тронулась.

— Вы меня, наверно, узнали? — поинтересовался Барановский.

— Конечно,— ответил шофер и пересек австро-итальянскую границу.

В Риме их уже ждали. Длинноволосые, по-заграничному одетые репортеры забросали Барановского вопросами:

— Кто кого победит, если встретятся кит со слоном?

— Почему на Южном полюсе так холодно?

— Сколько гектаров оставили в совхозе «Гигант» под яровые?

После пресс-конференции Барановскому подали на утверждение программу его пребывания в Риме: 1. Осмотр достопримечательностей. 2. Встреча с виноделами. 3. Встреча со спортсменами. 4. Визит к английской королеве. Барановский решительно зачеркнул три последних пункта и сделал заявление для печати: «Ввиду того, что западноевропейское телевидение не приспособлено к календарю первенства СССР по футболу, считаю необходимым срочно отбыть домой, чтобы присутствовать на встрече моей любимой команды «Гладиатор» с приморским «Магнето».

— Молодчина, Шурик,— восторженно зашептал таксист.— Вот это по-нашенски!

— А то! — сказал Барановский, затем осмотрел Колизей и не успел пробежаться по собору Святого Петра, как за окном уже замелькали родные подмосковные березки.

В Москве Барановского встретила супруга с цветами и незнакомой блондинкой.

— Познакомься, это Вера,— сказала заплаканная супруга.— Знаешь, милый, когда все решили создать тебе нормальные условия, я, наконец, поняла, что всегда портила тебе жизнь. Надоедала, заставляла нервничать. Словом, мешала... Верочка — очень хороший человек, думаю, что вы будете счастливы.

— Спасибо,— поблагодарил супругу Барановский, а Верочке сказал:

— Вы мне кого-то напоминаете.

— Мерси,— ответила Верочка. Потом все поехали на футбол.

А в кабинете начальника продолжалось собрание, начатое еще утром.

— Не отзывается? — спрашивал начальник у секретарши.

— Нет. Заперся, молчит: только листы шуршат.

— Ну, ему видней. Записку подсунули?

— Подсунула.

— Итак,— сказал начальник,— пункт десятый: в целях достижения нормальных условий для работы освободить тов. Барановского от обязанности составлять квартальную рассортировку.— Все согласно закивали головами.— И возложить исполнение последней на...

— На меня,— подсказал зам.

— Нет, на меня,— возразил председатель профкома.

— На меня,— тихо сказал начальник и положил конец возникшей было дискуссии.

Встреча между «Гладиатором» и «Магнето» вылилась в настоящий спортивный праздник. Право первого удара было предоставлено Барановскому. Но Барановский увлекся, и вслед за первым ударом последовал второй, третий... Комментатор похвалил игру Барановского, высказав неудовольствие по поводу того, что он плохо побрит. В конце матча судья пожал Барановскому руку, набежали фотокорреспонденты, застрекотали кинокамеры, и Барановский тут же вспомнил фотографию в завтрашней газете. А вспомнив про фотографию, вспомнил про пиджак со шляпой и, оставив супругу с Верочкой, отправился к себе на работу.

Главный вход оказался заперт. «Все ушли»,— обрадовался Барановский и свернул в палисадник. Там, у доминошного стола, в свете ночного фонаря матово поблескивали горлышки бутылок из-под кефира. Рядом валялись недоеденные кусочки печенья «Крокет» и кое-какие черновики. На одном из них был проект озеленения Нового района, на другом — набросок статьи для стенной печати. Барановский, устыдившись собственной бездеятельности, ухватился за поручни пожарной лестницы и полез наверх. Его взору открывалась панорама ночного города: огни университета, большая чаша Лужников, угадывались контуры Садового кольца... «Вот она, Москва-красавица»,— подумал Барановский и взобрался на подоконник. Прыгая с подоконника, подумал так: «Надо обязательно постричься». А когда зажег свет, надел пиджак и шляпу, загрустил: «Ведь надо что-то делать, что-то предпринимать!»

Возле двери валялись какие-то бумаги. Барановский взял одну, прочел: «Объединенное заседание профкома и месткома постановило: называть Вас впредь не Шуриком, а Александром Ивановичем». Дальше шли еще пятнадцать пунктов постановления, а внизу — подписи.

«Заботятся, уважают...» — растрогался Барановский. И тут у него окончательно проснулась совесть. «Надо действительно что-то делать»,— твердо решил он, снял шляпу, пиджак, сел за стол. Затем энергично открыл ящик письменного стола, достал материалы квартальной рассортировки, но тут же решил, что этого слишком мало для того, чтобы оправдать ожидания окружающих. «Надо что-то сделать совершенно необыкновенное, что-то великое!» — тоскливо подумал Барановский, потом сел и сочинил симфонию.

Это был гимн природе и человеку. Но, промелькнув в сознании, он так и остался иллюзией, потому что Барановский не знал нотной грамоты. Он попытался записать симфонию словами «тра-та-та», «та-ра-ра», используя стрелочки, если мелодия идет вверх или вниз, но занятие это вконец истощило, и он уснул, примяв головою материалы квартальной рассортировки.

Утром застучали в дверь. Барановский в полусне откинул крючок и увидел начальника.

— Не притворяйтесь. Ха-ха,— смеялся начальник, прижимая к груди газеты.— Это невероятно! Послушайте, как вам удалось сочинить такую гениальную музыку?

— Какую гениальную? — переспросил заспанный Барановский.

— Не притворяйтесь. Ха-ха,— смеялся начальник.— И когда вы только успели?

— В свободное от работы время,— промямлил Барановский, разглядывая свое изображение в газете, под которым жирным шрифтом было набрано: «Симфония, которая потрясет мир» и подзаголовок: «Музыкальный триумф». Дальше Барановский от волнения ничего не смог прочитать. Он закрыл глаза и заговорил про себя медленно и по слогам, чтобы лучше осмыслить сказанное: «Следовательно, сейчас как можно быстрее надо пойти и отнести произведение в Союз композиторов. Симфония, которая потрясет мир».

Тут ход его мыслей прервал шум в коридоре. Барановский узнал голос Волобуева. Волобуев кричал:

— Создайте и мне, Волобуеву, нормальные условия!

За стеной сдержанно хихикнули.

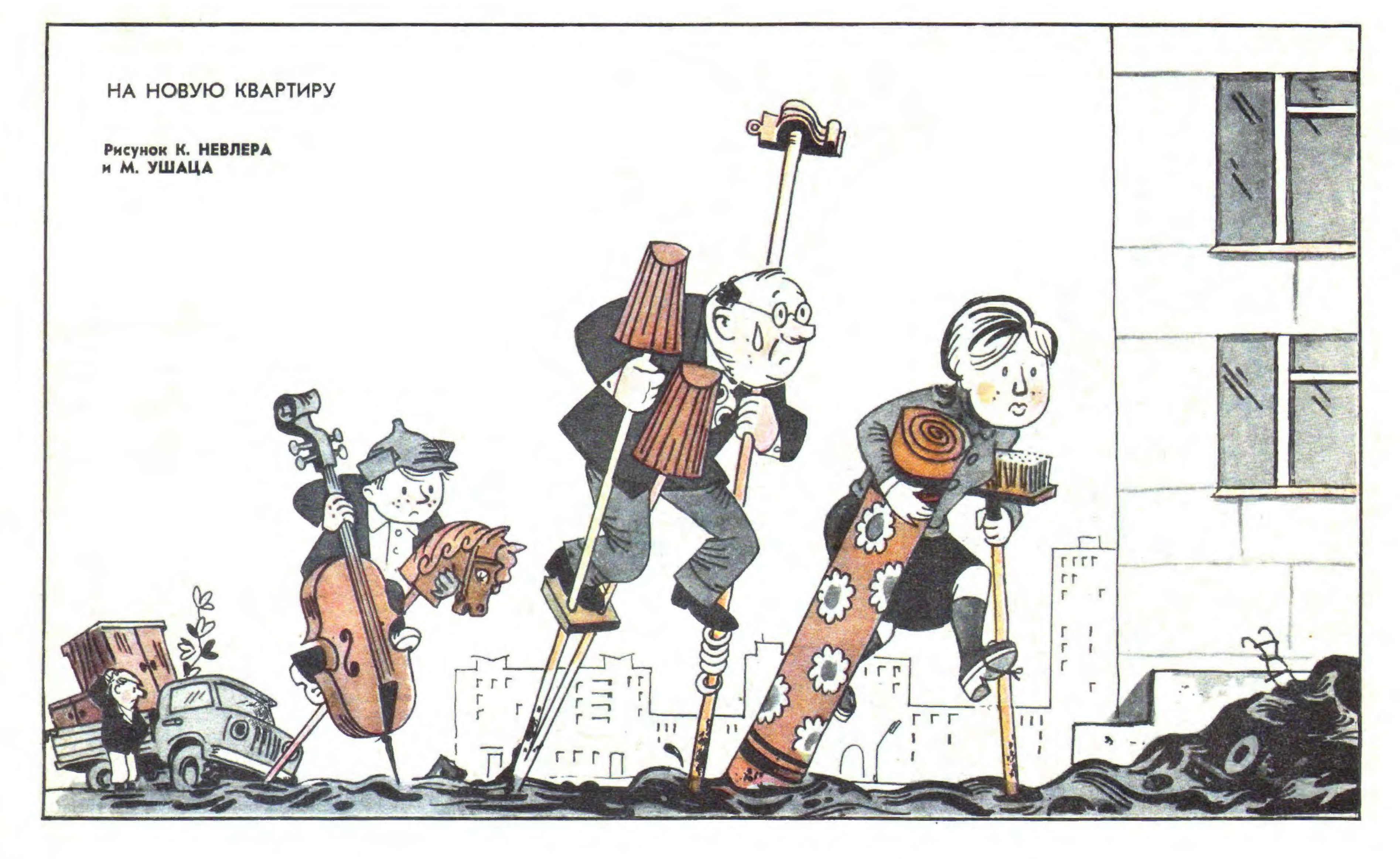
Волобуев продолжал:

— Я тоже способен потрясти мир!

За стеной по-прежнему хихикали.

— Да тише вы! — завопил Волобуев.— Чем я хуже Барановского?!

— Тише... Ишь ты, чего захотел! — вдруг ожесточился Барановский и гулко застучал кулаком в дверцу шкафа...

НА НОВУЮ КВАРТИРУ

Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

— Ты бы, сынок, шел домой, все уже давно разошлись...

Рисунок Е. ГУРОВА

С. БОДРОВ, специальный корреспондент Крокодила

ИНЦИДЕНТ В АГЕНТСТВЕ

Начальник Каменск-Шахтинского транспортно-экспедиционного агентства Ершов, парторг Елисеев и профорг Куликова собрались, чтобы определить лучшего работника агентства.

— Как его определить?—вздохнула профорг Куликова.

— А чего его определять? — сказал начальник Анатолий Михайлович.— Первое место — Адельфине Адольфовне!

— Удобно ли? — засомневалась Куликова.

— Удобно! — сказал парторг Елисеев.— Конечно, трудовыми успехами кандидатура не блещет, зато активная общественница.

— К тому же симпатичная! — сказал Анатолий Михайлович.— Профсоюзная организация согласна с моим мнением?

— Вам виднее,— улыбнувшись, ответила профорг.

Так Адельфина Адольфовна Куликова оказалась на пьедестале почета. Настроение у нее стало веселое, возбужденное, праздничное.

Но тут в агентство зашел работник военкомата в звании майора. Он хотел получить заранее заказанный билет на автобус междугородного сообщения.

— Не могли пораньше прийти? — сурово спросила посетителя симпатичная кассирша Адельфина Адольфовна.

Товарищ майор немного оробел. Хотя надо заметить, что он не прогуливался по набережной, не стоял в очереди за телячьими ножками на холодец, не сидел в кинотеатре на просмотре фильма «О, счастливчик!», а пришел, как только окончил службу. Кстати, до окончания работы агентства оставалось еще порядочно времени. Именно на это в вежливом тоне и намекнул кассирше Куликовой посетитель. На что получил от возбужденной Адельфины Адольфовны заявление, что она не будет обслуживать всяких, кто приходит не с утра, а под вечер. Напрасно просил майор выдать ему заказанный билет — ведь минутное дело! Категорически отказывалась выполнить эту просьбу неприступная А. А. Куликова.

И тогда потребовал возмущенный пассажир книгу жалоб. Но вышедший на шум начальник Ершов вкупе с Адельфиной Адольфовной показали ему, образно говоря, кукиш.

Казалось, капитулирует сейчас майор и под улюлюканье покинет поле брани. Однако он прибег к неожиданному маневру и ввел в бой крупные резервы. Прямо из агентства он позвонил председателю горисполкома и попросил о содействии.

После такого поворота событий противник выкинул белый флаг, продал билет и выдал книгу жалоб, куда запыхавшийся товарищ майор все-таки записал свои соображения.

Вот как все было, и этого не вычеркнешь...

Что не вычеркивается, то вырывается. Страница в жалобной книге была уничтожена неизвестным злоумышленником. Но по-прежнему не выполняла плана кассирша Куликова...

И вот опять наступили праздники, и снова стали выбирать самого достойного работника в агентстве.

— Предлагаю наградить грамотой Адельфину Адольфовну Куликову! — твердо сказала профорг Куликова.

— Согласен,— кивнул парторг Елисеев.

— Так тому и быть,— сказал начальник Ершов.

На том и порешили.

Ростовская область.

Юрий АЛЕКСЕЕВ

В литературу, размахивая саблей...

Борис Семенович умакнул перо в пузырек и, спотыкаясь пером о пористую бумагу, разгонисто вывел: «Лошади едят овес».

Правдиво. Емко. Но было, было... В «Холстомере», кажется. И вообще классики, куда ни ткнись, всюду тебе дорогу перебежали, поспели первыми, оттеснили. Но это не беда. Хоть и затоптан крепкими ногами, но не весь разбит путь в писатели.

Борис Семенович умакнул перышко вторично и с нажимом, крупной буквою начертал: «Тепло — величайшее благо».

Кхм, недурно. Кратко, вразумительно, а главное — свое, лично выношенное в иззябшем сердце. Так и держать! Так и продолжим:

«Мужчина не может жить без женщины, как и женщина без мужчины. Таков суровый закон жизни... Попробуй, преступи!..»

Ажурно. Амурно. Но в век НТР надо бы подкрепить художественность научностью:

«Она подсознательно поняла, что ее тело приступает к благородному делу созидания нового существа, в котором клеточка за клеточкой разрастается ткань, в которую через пуповину вливается жизнь, подаренная ею».

Так бодро, неприметно и разрослась ткань романа до 498 страниц, что само по себе весомо, кхм, перспективно. И, назвав роман «Будущее начинается сегодня», Борис Семенович, это будущее торопя, тотчас обратился не в издательство, а в высокие инстанции.

Оговоримся сразу, Борис Семенович Молчанов не графоман. Графоман строчит егозливо, восторженно, не помышляя о последствиях, а повинуясь внутреннему зуду складывать слова в строчки. Он вполне уверен, что сам классикам дорогу перебежит и на прощание рукой помашет. А Борис Семенович спокойно, разложив, будто в тире, локотки, целит в кассовое окошко.

Поставив точку на сочинении, Борис Семенович сказал в пространство:

— Еще попорчу, попью кое у кого кровушки — ни один донор после не выручит, не спасет.

Распитие крови в учреждениях и общественных местах, надо сказать, у нас не карается. И Борис Семенович решил: чтобы добиться проку, достаточно обладать настырностью дятла и умением, размахивая саблей, атаковать.

«Дело, с которым я обращаюсь, и личное и государственное. Больно видеть, как в Ленинграде издаются книги, позорящие советскую литературу серостью и безграмотностью».

Именно в таком тоне и насел Борис Семенович на Госкомиздаты РСФСР, СССР и прочие организации, наперед грозя критикам карами:

«Я пока не писал вторично Совету Министров. Очевидно, все же придется сообщить ему, что творится, так сказать, «за его спиной»... Я не жду ничего, кроме договора на издание моих книг... Необходимо вразумить неизвестного мне «критика», что возникнут серьезные неприятности, вплоть до уголовного суда...»

Но как ни стращал Борис Семенович в вопросительной форме: «Не затевается ли здесь очередное преступление?»,— и писатель Аркадий Первенцев и критик, кандидат филологических наук Олег Михайлов предпочли уж лучше оказаться на скамье подсудимых, нежели одобрить сочинения Бориса Семеновича. Деликатнейше, в тоне нежнейшей укоризны они подробно разобъяснили заранее обругавшему их автору всю несостоятельность его литературных притязаний.

Объяснили и поплатились. Возмущенный Борис Семенович тут же в директивной манере предложил «дисквалифицировать критика за полное неумение анализировать произведение». О. Михайлову, видите ли, не понравилась одна фраза. На что Борис Семенович колко уведомил критика, что это замечательное выражение не выдумано, а «подсказано автору писателем П. Далецким». А, во-вторых, автор к этому выражению уже лично досочинил: «Быть иль не быть? Единственный вопрос решается. Быть или не быть?»

С наслаждением процитировав себя, Борис Семенович тотчас кинул в критика ловкий камень, завернутый для приятности в пипифакс:

«Кажется, все ясно и четко. И достаточно художественно, на современном уровне (ведь я не выдаю себя за Горького!). Почему же, по мнению Михайлова, «хуже не скажешь»? Потому что так приказали «хозяева» из издательства? Ну не подлость ли это?»

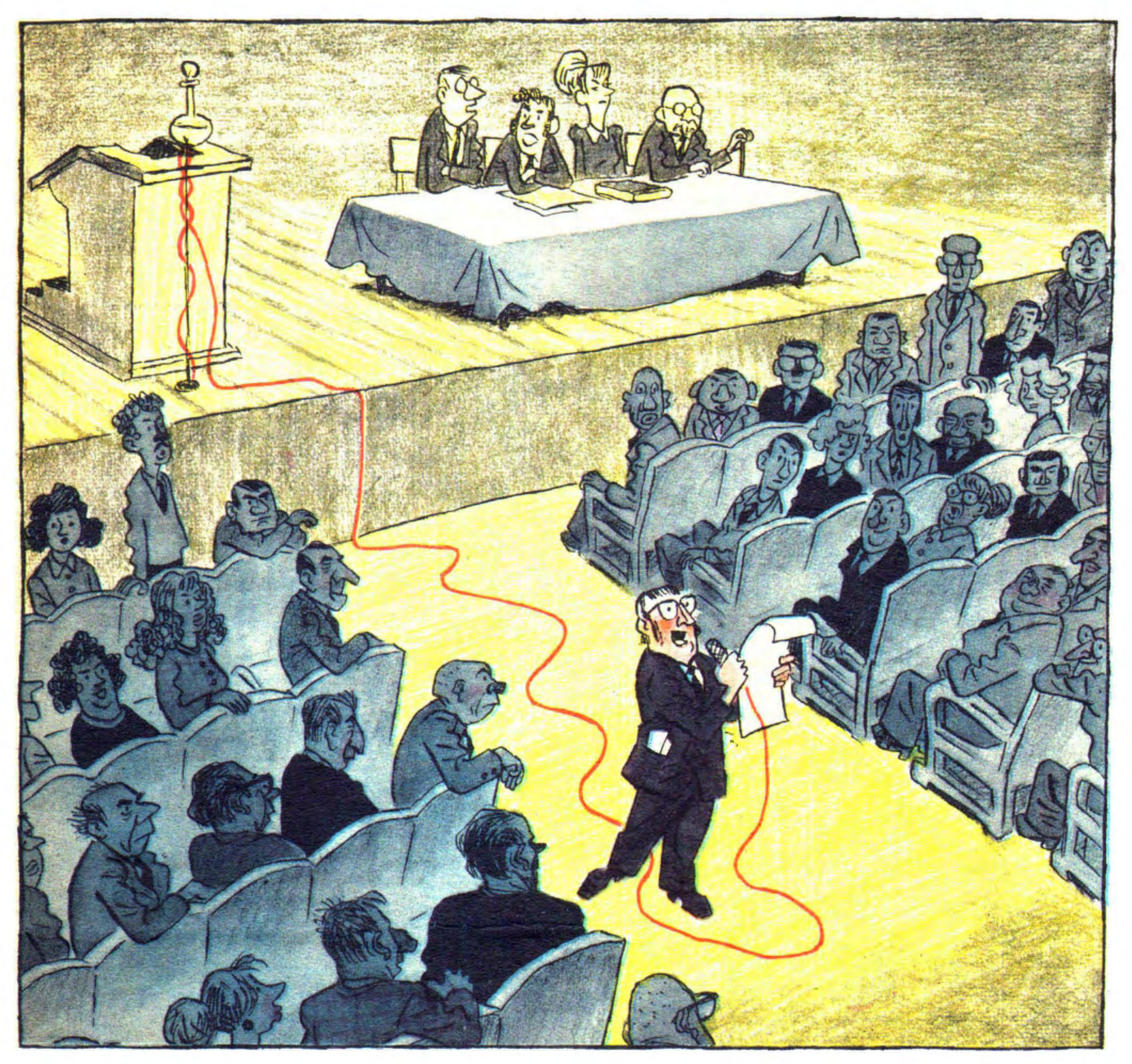
Отдадим должное, даже в ругани у Бориса Семеновича проскальзывает своя, домашней закваски логика. Хозяев у нас нет. А государство у нас богатое и не разорится, если напечатает полное собрание сочинений Бориса Семеновича в семи томах, плюс том восьмой — письма в Госкомиздат РСФСР, Госкомиздат СССР, в Комитет народного контроля...— короче, куда угодно, за исключением разве что Красного Креста и Стройбанка.

«Прошу незамедлительно опубликовать мои труды (всего у меня семь книг). Почему вредные, безграмотные книги публикуются, а мои — пусть средние — нет?»

Действительно, больно. Обидно. Писатель сам твердо определил свое место в литературе — середняк. По-походному обулся. Подпоясался. И вышел на большак с благородным намерением внести свою лепту. Хотя, по мнению одного из критиков, читать эту лепту «необычайно скучно... Действие движется медленно, порой еле заметно... Диалоги многословны, затянуты, невыразительны».

Взывая к «советскому гуманизму», Борис Семенович в каждой челобитной подчеркивает, что его романы рассчитаны не на «лживых критиков», не на «ведомственных преступников», не на «диверсантов и саботажников», а на широкого читателя, который листает книгу уже в переплете и радуется... Но ведь радость можно доставить ближнему и без переплета. И если Борису Семеновичу невтерпеж проверить реакцию книголюбов, пусть подсядет упоительным вечером к незнакомой читательнице в скверике и прошепчет, себя же цитируя: «Мужчина не может жить без женщины, как и женщина без мужчины...»

Но Борис Семенович не подсядет. Он знает, чем это кончится. Женщина ведь не ведомство, не комитет и может ответить нанесением легких побоев в область лица. А лицо у Бориса Семеновича творческое, свое, неказенное. Так что, размахивая саблей, он напишет лучше в не потревоженные пока Стройбанк и Красный Крест, чтобы хоть те помогли ему проникнуть в литературу.

— У докладчика артистическая натура...

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Ефрем ГОРДОН

ЧУДО

Дон на рассвете недвижим,
Течет ли — не понять,
И погружается весло
Легко в речную гладь.

Светлана Гершанова.

Дон на рассвете недвижим,
А днем течет опять,
И я могу его режим,
Когда хочу, менять.

Но чудо вдруг произошло,
Аж жутко вспоминать:
В речную гладь мое весло
Вошло по рукоять!

Мне не встречалась никогда
Такая мягкая вода.
И я сказала: — «Ну и ну!
Чего не встретишь на Дону!»

Семен ВАНЕТИК

КАК СТАТЬ ЛЮБИМЫМ

Марьин-корень любови высох
В иван-чае моей страны.
Нынче любят скупых и лысых —
Мы ж кудрявы и влюблены.

Иван Лысцов.

Поэту, чтобы полюбили впредь,
Совсем необязательно лысеть,
Однако, если поразмыслить
здраво,
Писать бы надо менее кудряво!

Рисунок В. ШКАРБАНА

— Приготовься. Включаю запись ресторанного оркестра...

Мих. КАЗОВСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

Пошехонская новизна

На днях иду по улице Воровского, мимо Союза писателей, смотрю и глазам своим не верю: из ворот выбегает сам Никодим Никодимыч Летучий-Мышкин, критик и литератор, избравший своею стезей историю сатиры. Обличье его прямо-таки ни с чем не сообразное: одежда в беспорядке, волосы всклокочены, под глазами круги цвета сливы ренклод в осеннюю пору.

— Никодим Никодимыч! — восклицаю я в изумлении.— Ты ли это?

— Я, братец, я,— отвечает Летучий-Мышкин и жмет мою руку, причем в перстах его я чувствую дрожание.

Тут выясняется, что крайнее смятение души Никодим Никодимыча происходит по причине близкого 150-летия со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина и что, по мнению Летучего-Мышкина, подготовка к юбилею не везде идет должным образом.

— Помилуй,— говорю,— Никодим Никодимыч! Какая подготовка тебе еще нужна? Ведь и в газетах сообщалось, что много уж чего сделано. И многотомное собрание сочинений Щедрина выйдет, и воспоминания его современников появятся из печати, и марки и конверты будут выпущены, и музеи откроются в Калинине и Кирове!

— Все это так,— соглашается любезный мой приятель,— но знаешь ли ты, в каком именно месте родился и провел детские годы великий Михаил Евграфович? В Калинине или Кирове?

— В этом,— отвечаю, сконфузясь,— как его...

— То-то. А будет ли там память его увековечена, не слышал?

— Признаться, не слыхивал, Никодим Никодимыч...

— Тогда едем. Покажу я тебе такое, от чего и твое сердце преисполнится горечью!

И не успеваю я глазом моргнуть, как проворный Летучий-Мышкин усаживает меня в свои новенькие «Жигули», включает мотор, и в скором времени мы уж несемся по Дмитровскому шоссе и далее от Дмитрова — на город Талдом, Московской области, про который Салтыков-Щедрин в произведениях своих упоминал.

— «Пошехонская старина»,— говорит мне Никодим Никодимыч, сосредоточенно орудуя баранкою,— про эти места ведь писано! Вот она, пошехония, ныне какая, превращенная!

И верно. Резвый наш «Жигуленок» летит мимо красивой автобусной станции, мимо нового кинотеатра «Родина», магазинов и современных столовых. Летучий-Мышкин выворачивает руль, и мы вновь катимся по шоссе, ровному, как ломберный стол.

— Да скоро ли, Никодим Никодимыч? — в нетерпении вопрошаю я, разглядывая в окошко девственный лес, поле и коров на пастбище.

— Уж и въезжаем,— отвечает мой попутчик,— въезжаем в бывшее имение Салтыковых. Вот знаменитая речка Вьюлка, через которую, если вспомнить «Благонамеренные речи», некий генерал совершил свой исторический переход. А вон в той полуразрушенной церквушке, где ныне комбикормовый завод, могила матушки и сестры писателя. А вот и сам Спас-Угол, место его рождения.

Село Спас-Угол представляет собою противоречивое зрелище. Над чистой улочкой с ночными светильниками, с одинаковыми, будто бы сошедшими с цветной фотографии домами, которые вселяют в сердце каждого странника благочестивое умиление, над просторным магазином и двухэтажным, в фиолетово-голубой плитке, зданием сельсовета — надо всем этим возвышается серая обшарпанная церковь с печально покосившимся крестом. Мы подъезжаем ближе.

— Вот в сем храме божьем Михаил Евграфович и был окрещен,— говорит Никодим Никодимыч.

Могилы деда, отца и брата Щедрина в прескверном состоянии, тут же покоится пустая бутыль из-под вермута и прозрачный пакет от хрустящего картофеля.

Никодим Никодимыч печально вздыхает, и мы с ним следуем далее, через проселочную дорогу, мимо старых прудов, на то место, где некогда возвышалась барская усадьба, сгоревшая в начале нашего века. Сейчас лишь древний неухоженный парк шумит здесь кронами столетних дерев, да миазмы от недавно ликвидированной птицефермы заволакивают окрестности. Выкрашенный серебряной краской бюст автора «Пошехонской старины» сурово глядит на замкнутые двери деревянной сельской школы, обитатели которой переехали в новое здание.

— Отчего же,—говорю я,— бесценный Никодим Никодимыч, такое запустение? Отчего нельзя привести сие памятное место в благопристойный вид, построить музей? Неужто местные власти не предпринимают надлежащих мер?

— Отнюдь, отнюдь,— отвечает Летучий-Мышкин.— Талдомский райисполком и райком партии проводят изрядную работу! На вокзальной площади установят мозаичный портрет писателя в окружении героев его сказок, перенесут прах матушки к праху отца, в здании сельсовета, где, кстати, размещаются также почта, библиотека, медпункт и КБО, отведены две комнатки под музей великого сатирика... И это еще превосхитительно, ибо местных рачителей о памяти Щедрина можно уподобить Прометею, скованному по рукам и ногам цепями финансового бюджета района.

— Но отчего же? — снова восклицаю я.

— Все презренный металл виноват! — разводит руками Летучий-Мышкин.— Спас-Угол объявлен памятником местного значения и посему передан на баланс Талдомского райисполкома. А разве может райисполком как следует провести реставрацию, ежели на то надобно двести пятьдесят тысяч рублей ассигнациями?

— В чем же зришь ты выход, Никодим Никодимыч?

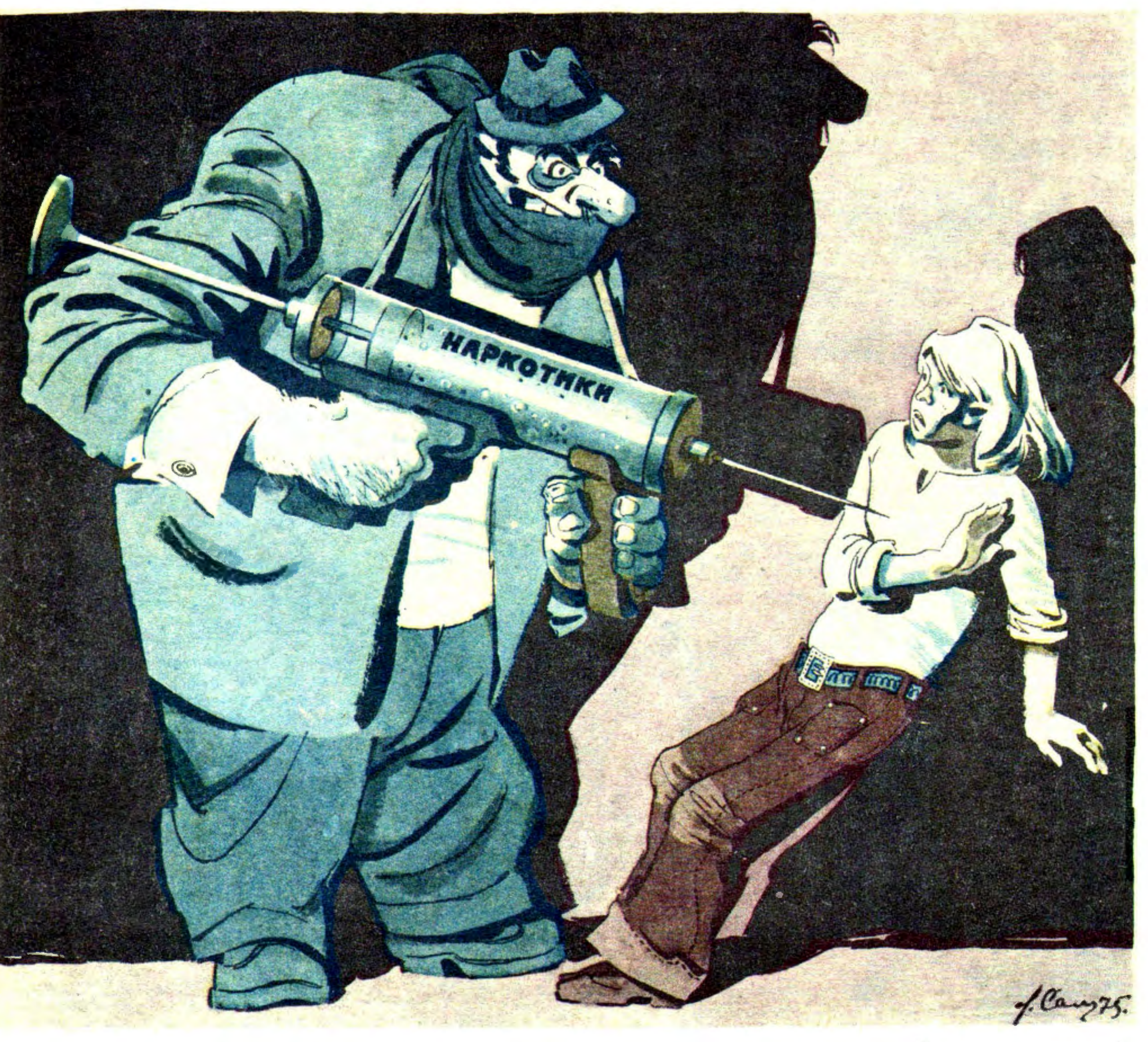
— А выход я зрю в превращении Спас-Угла в республиканский или даже общесоюзный мемориал. Ведь и чертежи все имеются и энтузиасты горят желанием за дело приняться, нужна лишь матерьяльная основа. А покуда основы нет — все сие остается прожектами.

Москва — Спас-Угол.

ОТ КРОКОДИЛА. Прочитал я «Пошехонскую новизну» и решил обратиться к председателю Всесоюзного юбилейного комитета по проведению 150-летия М. Е. Салтыкова-Щедрина С. Михалкову.

Сергей Владимирович сказал:

— Что ж, хотя лично я и не знаком с Никодимычем Летучим-Мышкиным, который, как выразился бы Щедрин, «есть лицо фантасмагорическое, в натуре не существующее и придуманное исключительно для оживления повествования», но мнение его вполне разделяю. Мемориальные места Спас-Угла можно и должно реконструировать, чтобы достойно увековечить память великого сатирика, имеющего не местное, не республиканское и даже не общесоюзное, а мировое значение и мировую известность.

— Кошелек и жизнь!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Ганс ЗАЙФЕРТ

ОТКРЫТИЕ В СЕГОВИИ

Во время нашей поездки через центральную Испанию мы попали, естественно, и в провинцию Сеговия, где чудесно растет пшеница и процветает овцеводство. Бесконечные поля тянулись вдоль дороги, и мы с восхищением рассматривали горную цепь Сьерра-де-Гвадаррама, которая бледно мерцала вдали.

Однако мы приехали сюда не для того, чтобы наслаждаться прелестями ландшафта испанского плоскогорья. Мы хотели установить на месте: на самом ли деле в деревне франкистской Испании такие же средневековые порядки, как, скажем, во времена Фердинанда и Изабеллы?

И тут надо сказать без обиняков, со всей прямотой: кто утверждает подобное, тот действительно очень несправедлив по отношению к фалангистам! Дело в том, что немало изменилось с тех пор, как Франко находится у власти, и в Сеговии мы увидели это своими глазами. Так, например, каменные столбы в рост человека, обозначающие границы земельных владений герцога Мединасели общей площадью около 80 000 гектаров, недавно красиво побелены. Тяжелая железная цепь с вывеской «Частная собственность!», которая перекрывала подъезд к роскошному дворцу герцога Альбы, теперь заменена медной цепочкой, что выглядит значительно приятнее. И стражники герцога, которые следят за тем, чтобы крестьяне окрестных сел пользовались только разрешенными для них дорогами, вооружены теперь уже не дубинками, а современными карабинами.

Таким образом, нельзя сказать, что в сельском хозяйстве франкистской Испании не появилось заметных новшеств.

Перевод с немецкого.

Евгений БОВКУН

Опасное сходство

Не много воды утекло с тех пор, как «сильный человек» из Баварии Франц-Йозеф Штраус впервые навестил «великого кормчего» Мао. И вот опять в Пекине прозвучали фанфары в честь посланца западногерманских реваншистов. На этот раз его ждали более высокие почести: за минувшие месяцы отношения между маоистами и ультраправыми настолько потеплели, что стали чуть ли не родственными. Сходство в речах и манерах просто удивительное! Порой трудно определить, кто говорит, на каком языке и где. Похоже даже, что на наших глазах вырабатывается некий пекинско-мюнхенский диалект из группы антисоветских языков. Вот-вот, похоже, герр Штраус начнет носить синюю курточку, а в Пекине войдут в моду баварские кожаные шорты.

Что же заставило опытного баварского политика вторично пуститься в столь дальний путь? Воспоминания о китайских деликатесах, вспышка родственных чувств или холодный расчет? Возможно, что и первое, и второе, и третье.

Словоохотливый Штраус в последнее время часто цитирует древнюю римскую пословицу: «Если хочешь мира, готовься к войне». Не беда, что время выбросило этот афоризм на свалку, зато в Пекине сумели оценить его по-настоящему. Чему удивляться! Ведь «неизбежность третьей мировой войны» — общее «теоретическое» детище Штрауса и Мао.

Обрушиваясь на разрядку напряженности, предавая анафеме социализм, Штраус предрекает европейцам мрачное будущее в том случае, если они не «объединятся» перед лицом «растущей советской угрозы». «Европейцы полностью деградировали,— вещает Штраус.— Они сошли со своего исторического пути... они закрывают глаза на советскую опасность, не понимают, что советские предложения о сотрудничестве означают лишь гегемонистские притязания».

Слышите пекинские интонации? Вспомним, как оценивали ситуацию в мире после завершения общеевропейского совещания в Хельсинки пекинские лидеры: «Надвигается ливень в горах, и весь терем продувается ветром», что в переводе на среднеевропейский, сделанном, кстати говоря, самой «Жэньминь жибао», означало: «Над Европой сгущаются тучи и растут факторы войны». Китайские дипломаты, присутствовавшие на совещании в Хельсинки, хватали за фалды европейских политиков, стращая их тем, что совещание на деле окажется «новой формой борьбы двух сверхдержав за господство в Европе». Когда же представители 35 государств подвели коллективную черту под итогами второй мировой войны и подписали Заключительный акт, в Пекине поспешили объявить, что этот документ «не имеет никакой практической ценности для безопасности Европы».

Реваншистам не по нутру, что в Заключительном акте общеевропейского совещания закреплен принцип нерушимости границ. Пекин тоже выступает за ревизию результатов второй мировой войны и послевоенного развития. Штраус провозглашает, что «Германия в границах Веймарской республики, как и прежде, является политической правовой реальностью». Маоисты горячо поддерживают идею «единой Германии», за что в их адрес на страницах придворной газеты Штрауса «Байернкурир» была даже выражена публичная похвала.

Впрочем, не только идейная близость, но и корысть бросает маоистов и ультраправых в объятия друг друга. Военно-промышленные круги Запада, стоящие за Штраусом и его лагерем, щедро оплачивают антисоветизм маоистов развитием с ними торговых и экономических связей, которые используются совсем не для повышения благосостояния китайского народа, а для наращивания военного потенциала КНР. В прошлый раз, толкуя по душам с «великим кормчим», Штраус обещал ему похлопотать насчет этого дела. И вот уже, как сообщил французский журнал «Курье де политик этранжер», ряд крупных корпораций ФРГ поставляет Пекину стратегические товары. И Пекин не остается в долгу, «отрабатывая» полученное еще большим ужесточением антисоциалистического курса.

Какая же взаимовыгодная сделка состоялась на этот раз?

Официально «сильный человек» из Баварии направился в Пекин для того, чтобы посетить западногерманскую промышленную выставку «Техногерма». Неофициально... Этот вопрос пока остается открытым. Японское агентство Киодо Цусин сообщило недавно о намерении Штрауса провести в недалеком будущем «совещание представителей консервативных партий мира для сплочения консервативных сил в связи с активизацией сил социализма». Может быть, стратег реваншизма собирался лично поделиться с Мао этой своей новой идеей?

Во всяком случае, Штраус вряд ли упустит шанс набить карман — если не марками, то хотя бы юанями. Ведь ему причитается гонорар. Издательство «Синьхуа чубаньшэ» только что выпустило в свет на китайском языке творение Франца-Йозефа «Германия, твое будущее», где он излагает свои взгляды на будущее европейского континента. В общем, сомневаться нельзя: председатели поладят...

ОЛТРИНГХЭМ (Англия). Покойный торговец углем Эдди Хорли оставил в своем завещании налоговому инспектору и сборщику налогов по половине лимона. К ним была приложена записка «Попробуйте теперь выжать это».

Адвокат покойного Рональд Кеог выполнил его последнюю волю буквально, однако налоговый инспектор принять лимон отказался. Лимон, по его словам, оказался слишком сухим.

МОНТЕКАТИНИ (Италия). Волна похищений людей, захлестнувшая в последнее время Италию, докатилась и до... лошадей. Неизвестные похитили пятилетнего гнедого жеребца по кличке Уэйн Иден, принадлежащего миланскому промышленнику Пьетро Джудичи. По оценкам специалистов, стоимость лошади — около 800 тысяч долларов.

АФИНЫ. Андреас Комитис, 75 лет, называющий себя королем афинских карманников, был арестован полицией за своим любимым занятием. Престарелый «король», который был первый раз арестован за мелкое воровство полвека тому назад, заявил при аресте: «Увы, это единственное ремесло, знакомое мне...»

ВАШИНГТОН. Социолог Уэндис Броди подсчитала годовую стоимость труда типичной американской домохозяйки и получила огромную цифру — свыше 5 тысяч долларов. Многие мужья начинают теперь смотреть на своих жен с повышенным уважением...

СТОКГОЛЬМ. Чилийские газеты, сообщая о прибытии в Швецию чилийских теннисистов для участия во встрече на кубок Дэвиса, писали, что их встретила большая толпа. Газеты не ошиблись, толпа действительно была большой и состояла из... тысячи трехсот полицейских, выделенных для охраны чилийцев.

В Ольстер направлен очередной контингент английских войск.

Ключ к решению проблемы Ольстера.

Рисунок М. АБРАМОВА

СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ ГРАЖДАНИНА ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ

На дне рождения у кума гости засиделись до петухов, и скотник молочнотоварной фермы колхоза «Молдова Сочиалисте» Вениамин Скорцеску решил с трапезы пойти прямо на работу, благо уже начинало светать.

— Раненько что-то ты сегодня,— протирая глаза спросонья, сказал ночной скотник Василий Пунга.

— Да вот загулял немного,— пробормотал Вениамин.— А тут как, все в порядке?

— Да вроде бы никаких ЧП. Можешь пройтись по коровникам, проверить. Все как есть на своих местах.

— Ладно уж. Отправляйся-ка ты домой отдыхать, а я додежурю за тебя и за себя.

Василий Пунга не стал задерживаться.

Спустя минут десять, когда Вениамин Скорцеску несколько освоился с полумраком, он вдруг с удивлением заметил, что крайняя справа Рекордистка почивает в одиночестве. «А где же потомство? — подумал Вениамин.— Когда я вошел сюда, корова облизывала только что появившуюся на свет пестренькую телушку. Куда она подевалась?» Обошел все помещение — нет нигде теленка. Как сквозь землю провалился.

Единственное, что он мог сейчас сделать,— немедленно поставить в известность о случившемся заведующую фермой Таисию Топалэ. Так он и сделал.

Убедившись, что теленок действительно исчез, заведующая тут же позвонила председателю колхоза Дмитрию Чебану.

Председатель колхоза тоже не стал терять времени. Оседлав газик, он тут же помчался в соседнее село Мошаны к участковому инспектору милиции Николаю Гамулинскому. Узнав, в чем дело, тот немедленно связался с заместителем начальника Дондюшанского райотдела милиции капитаном Валентином Поповичем. Тут же был поднят заместитель начальника отдела уголовного розыска Павел Морарь, и началось расследование. На милицейской машине П. Морарь с восходом солнца был уже на ферме. Тщательно осмотрено место происшествия, изучены все следы, произведен их замер и все аккуратно занесено в протокол. И тут ценную мысль подал шофер-милиционер Николай Колибаба: а не унес ли теленочка ночной скотник Василий Пунга?

Обстоятельный допрос Вениамина Скорцеску кое-что прояснил. Он припомнил, как два-три дня назад его коллега обмолвился, что собирается на базар в Могилев-Подольский.

Дома Василия Пунги не оказалось. Супруга его, увидев милицию, тут же с перепугу призналась, что муж ее Василий чуть свет укатил на базар.

— А в какой город?

— В Могилев-Подольский.

След был найден.

— На Могилев! — скомандовал зам. нач. уголовного розыска. Когда время уже приближалось к обеду и ряды завсегдатаев базара несколько поредели, удалось наконец отыскать Василия Пунгу.

Правда, он был без теленка, но держал в руках сверток с покупкой.

— Куда девал пестренькую? — в упор спросил представитель угрозыска.

— Бог с вами, о чем речь? — дрожа от страха и пытаясь скрыться в толпе, ответил скотник.

— Тогда марш в машину и на ферму. На месте разберемся!

И вот вся группа снова на ферме. Снова осмотр, изучение. Василий Пунга упирается, не признается ни в какую. И тут Рекордистка вдруг жалобно заревела.

— Братцы,— сказал кто-то из бывалых людей,— а может быть, Рекордистка вообще еще не телилась?!

— Да ты что, белены объелся, что ли! — зло выкрикнул председатель.— Вениамин, где ты? А ну-ка расскажи еще раз, каков был теленочек-то?

— Маленький, серенький, рябенький такой...

Председатель только тут заметил, что скотник пьян.

— Позвать сюда ветеринарного врача,— распорядился председатель.

Прибывший на ферму ветврач осмотрел Рекордистку.

— Корова вполне здорова, с минуты на минуту должна отелиться,— констатировал врач.— Прошу всех удалиться, животное переживает.

На вторые сутки Рекордистка принесла крупного здорового бычка с большим белым пятном на лбу...

С. БАДЮК.

Молдавская ССР.

— Сто рублей!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Леонид
НАУМОВ

ЧЕРНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Рассказ

Поздно вечером Журавлев заметил в автобусе на заднем сиденье старый черный портфель.

Вначале Журавлев решил вообще к портфелю не притрагиваться, но вскоре его стало разбирать любопытство.

Из-за преферанса он не сумел поесть, сосало под ложечкой, а дома, в холостяцкой квартире, кажется, ничего съестного не было.

«Хоть бы в нем лежало немного колбасы и булка!» — подумал Журавлев, оглядываясь по сторонам.

Никто из малочисленных пассажиров на него не смотрел.

В портфеле оказался ситник и кусок вареной колбасы, завернутый в бумагу.

«Надо же! — поразился Журавлев.— Мне бы загадать еще бутылку водки и банку маринованных огурцов».

И тут же увидел бутылку «Экстры» и стеклянную банку с маленькими маринованными огурчиками.

Ошеломленный Журавлев вышел из автобуса, не доехав до своей остановки.

Дома, выложив продукты на стол, он тщательно исследовал портфель. Тот был пуст.

«Интересно,— пришла ему в голову наглая мысль,— черная икра не могла бы появиться?..»

Ухмыляясь, он снова распахнул портфель, и у него отвисла челюсть. В портфеле лежала жестяная банка зернистой.

Через полчаса квартира Журавлева напоминала гастрономический магазин в последний день квартала. Сыры, конфеты, колбасы, овощи, рыбины горячего и холодного копчения, всевозможные консервы, грибы, печенье громоздились повсюду. Десятки бутылок высокосортных коньяков разных марок в беспорядке стояли на полу.

«Ну и портфель! — ликовал Журавлев, приплясывая на свободных от продуктов местах.— А готовые блюда он тоже может?»

Готовые блюда портфель умел. По приказу Журавлева появились кастрюлька с супом-харчо и котлеты по-киевски.

Взбудораженный до предела Журавлев ничего не мог есть. Кое-как разложив истребованные сгоряча продукты и ужасаясь их множеству, он лег, обдумывая неожиданное происшествие.

Снились ему огромные жареные гуси, наступавшие отовсюду, отчего он метался по постели и вскрикивал.

На следующий день к концу работы Журавлев постучался в кабинет шефа. Тот уже надевал пальто, собираясь уходить.

— Василий Петрович,— произнес он скромно.— Извините за вторжение. Как бы вы посмотрели сейчас на большой кусок розового деревенского сала с чесночком, соленые рыжики, каравай свежего подового хлеба с обсыпанной мукой нижней корочкой и... бутылочку очищенной?..

— В каком смысле? — сглотнув слюну, выпучило глаза руководство.

— В самом что ни на есть прямом,— невинно ответил Журавлев, раскрывая портфель...

Изучив кулинарные книги и особенности национальной кухни различных стран, Журавлев сделался во многих местах желанным гостем. Люди, встречая его, приветливо улыбались. Круг его знакомств расширялся с фантастической быстротой.

— Как вы отнесетесь к бутылочке замороженного шампанского и тарелочке с устрицами? — спрашивал Журавлев у сноба.

— Вы ничего не имеете против жареного бараньего бока под бутылку «Двина»? — любопытствовал он, общаясь с человеком реалистических представлений о прекрасном.

— Думаю, что блюдо с сочными раками и прохладное пиво вам не повредят,— советовал он страдальцу, пережившему накануне товарищеский ужин.

Шло время.

Журавлев заметно изменился, пополнел, раздался в плечах. Даже голос его приобрел какую-то особую звучную весомость. Черный портфель продвигал его по служебной лестнице, помогал покупать дорогие вещи, откладывать деньги на сберкнижку...

Однажды утром, потянувшись к портфелю за бутылкой холодной простокваши, он вместо молочнокислого продукта обнаружил письмо.

Накануне Журавлев устроил колоссальное пиршество. Из-за огромного количества выпитого все подробности кутежа в памяти не сохранились. Журавлев помнил только, что портфель взмок, выдавая уйму напитков и блюд, отчего он сам и все присутствующие весело хохотали.

Морщась от головной боли, он вскрыл конверт.

На официальном бланке Управления Волшебного Снабжения было напечатано на машинке:

«В прошлые времена скатертью-самобранкой пользовались лишь для утоления голода и по большим праздникам. Аппетиты нынешних владельцев черных портфелей настолько возросли, что они сумели в сравнительно короткий срок исчерпать наши фонды. Дело дошло до того, что даже штатные сотрудники нашего аппарата получают в день всего по миске чечевичной похлебки. Вышестоящая инстанция нашу заявку на сверхплановую манну не удовлетворила. Поэтому, уважаемый г-н Журавлев, поставлять вам в дальнейшем продукты, напитки и кулинарные изделия, к сожалению, не представляется возможным».

Алексей
БОДРЕНКОВ

Липа у Филиппа

Дядя Филипп
В историю влип,
Дядя Филипп —
Предколхоза...

Первым делом зашился
Филипп
С вывозкою навоза.

Было это прошлой зимой.
Вьюга, мороз, как известно...
Бился, бился «труженик» мой,
Только навоз —
Ни с места.

Все же вывезли несколько
тонн...
Что было делать Филиппу!
Вот тогда и послал он в район
Эту самую
«Липу».

Время, известное дело, шло,
Время, оно катилось.
Вот уже в зелень оделось село,
Вот и сирень распустилась.

А у Филиппа снова прорыв:
Сев — что твоя черепаха.
В ясном небе вешней поры
Выговором запахло.

Пробовал взять,
Да не взял разгон...
Что было делать Филиппу!
Вот и опять послал он в район
Эту самую...
«Липу».

Долго после, спеша
по полям,
Сеяли как попало.
Что взошло с грехом пополам,
Что вообще пропало.

Ну, а время, само собой,
Время, оно катилось.
Позарастали стежки травой,
Поле позолотилось.

Вышли комбайны хлеб убирать
С благословенья Филиппа —
Тут-то она и дала себя знать,
Эта самая
«Липа».

Где он, колос, крупный, тугой?
Щуплых, и тех не густо.
Ездит комбайнер час, другой,
В бункер заглянет — пусто.

И от «усердных» трудов
вспотев,
Сел председатель устало:
Ни государству,
Ни на посев
Явно зерна не хватало.

С той поры даже липовый
мед
Не по душе Филиппу:
Режет слух ему, горло дерет
Все, что похоже на «липу».

ИЗ ЗАЛА — СЮДА!

ТАЙНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

В аспирантуру попасть нынче не просто. Из косяка алчущих отбирают только самых талантливых и перспективных. В общем, наидостойнейших.

Не обошла стороной проблема отбора кандидатов в кандидаты и кафедру философии Днепропетровского государственного университета. И улыбнулась фортуна Сергею Павловичу Ступину. Перспективным и наидостойнейшим показался он кафедре.

Осмотрелся Ступин и выбрал тему «Общественный макроуровень в системе связей личности». Звучит! Хотя и не всякому сразу понятна. К примеру, поделись Ступин своей эрудицией со сторожем днепропетровского «Детского мира» П. И. Митерко, тот, не в обиду ему будь предположено, может, и не сразу бы усек, что к чему в этой самой системе связей...

А зря аспирант не поделился. Митерко имел солидный запас опыта, слава богу, седьмой десяток доживал к тому времени. Покумекали бы они на ночном досуге, сторож и выложил бы молодому аспиранту:

— Конечно, Сергуня, система личных связей — вещь пользительная. Разве я топтался бы у магазина на старости лет, кабы связи были!.. Может, в самом магазине бы шуровал... Но ты на связи-то не слишком уповай. Старайся своими трудами брать. Иные связи, сынок, темные, сомнительные. И до греха свободно доведут.

Сам старик связями не баловался, может, оттого и доверяли ему магазин; он честно зарабатывал свой хлеб.

Но такого разговора не состоялось. Хотя и была у Ступина реальная возможность подзанять у старика житейской мудрости. Он ведь сам несколько осенних ночек провел возле магазинных запоров вместе с П. И. Митерко. Временно подрабатывал сторожем.

Нет, не попусту топтался и зяб осенними ночами у богатого торгового заведения Ступин. Зародилась у аспиранта сугубо тайная концепция. А известно, что если в иную ученую голову забредет идея, то пока он ее не реализует практически, не даст она ему покоя.

Обмозговав концепцию, двинулся Ступин в Кривой Рог, где встретил своего бывшего одноклассника В. Н. Сосенко и на ухо ему что-то отшептал. Озираясь при этом по сторонам.

Сосенко согласно кивал головой, не смея возражать ученому авторитету. Сам он был не из мира науки. В смысле определенных занятий у Сосенко сложилась полная неопределенность. Когда-то они сидели на одной школьной скамье, но потом разбросались. Ступин решил набить руку на научном багаже, Сосенко же, убоявшись путешествий по ухабистым философским трактам и трактатам, приглядывался к обычному багажу, правда, чужому. Однако разница в просвещении не помешала им, грубо говоря, снюхаться, и система связей была налажена.

Но вот тут-то и возникла помеха в лице бдительного деда Митерко. Еще, не дай бог, наведет ружье и порушит соблазнительную концепцию...

Досконально изучив объект, Ступин, как говорят, кожей чувствовал, в какой именно момент кассир в ожидании инкассатора набивала сумку дневной выручкой. И вот однажды, улучив как раз эту минуту, Ступин этак непринужденно взмахнул дубиной...

И опустил ее на голову бывшего сослуживца.

От такого волюнтаристического акта у сторожа подкосились ноги. И он на довольно продолжительное время утратил способность к восприятию окружающего мира. В том числе и «Детского».

Увидев, что шеф-интеллектуал уже внес свой весомый вклад в науку побеждать ночных сторожей, в дело вступил Сосенко. Он наставил пистолет на кассиршу. А как наставил, стал всеми силенками удерживать дрожь в руке. Боялся, вдруг кассирша закричит: «Стреляй, бандитская морда! Все равно деньги не отдам!» В руке-то у него была пистолетного вида зажигалка. И все же храбрился, надеясь на аргумент, которым воспользовался Ступин в битве со сторожем.

Но кассирша капитулировала, и они бросились наутек с дневной выручкой. Заметим, немалой: в мешке было более двадцати тысяч рублей...

Конечно, через несколько дней милиция задержала грабителей. Суд определил бывшему аспиранту содержание в помещении с надежными запорами на срок, вполне достаточный для любых философских размышлений — четырнадцать лет. Соучастнику — на два года меньше. Все равно Сосенко считает себя жертвой науки...

В. ВИНОГРАДОВ.

Новый сорт.

Рисунок Ю. ЕРОФЕЕВА

— А это что такое крутится?
— Не знаю. Муж с завода приволок...

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Феликс КРИВИН

В мире животных

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШУТКА

Змеилась речка в тишине,
Плетя витки излучин,
А там, на самой глубине,
Сом двух соменков жучил.
Вдали темнели берега,
Ершился лес на склоне...
И кот, окрысясь на щенка,
Мышонка проворонил.
Слонялся черный таракан,
Сазан с лещом судачил,
И, как всегда, ослил баран,
Что конь весь день ишачил.
И каждый крик, и писк, и чох
Сулил в делах удачу:
Там выкомаривал сверчок,
А там бычок свинячил,
Там рыскал по стене паук
За мухами вдогонку,
Там шли, охрюкав все вокруг,
Гуськом три поросенка.
Но всяк старался за двоих,
И разбирать не стоит —
Кто обезьянничал из них,
Кто был самим собою.
Их всех укрыла ночи тень —
И малых и великих.
И как ни петушился день,
Но съежился и сник он.
И звезды счастья и любви
Зажглись над миром снова...
От них совели соловьи
И соловели совы.

г. Ужгород.

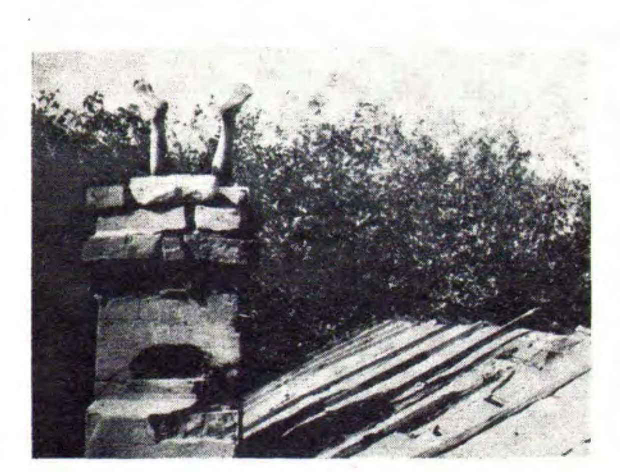
КОНКУРС «ВЕСЁЛЫЙ ОБЪЕКТИВ» КРОКОДИЛА

В. КАРПОВ (г. Москва). След в океане.

А. КУЧЕРЕНКО (г. Бендеры). Проспал.

В. ЯКОВЛЕВ (г. Донецк). Дело — труба..

А. БРОВАШОВ (г. Пятигорск). Беседа.

Б. ДОЛМАТОВСКИЙ (г. Москва). Знакомая ситуация.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Дьердь МИКЕШ
(Венгрия)

ПОЗОР

Прочитав об этом в газете, я знал, что мне надо делать. Я должен пойти к Верпелети. Нас связывает старая дружба. В трудные часы мой долг — быть возле него.

В заметке было написано: «Директора ресторана «Золотая собака» присудили к штрафу за то, что в находящемся под его руководством учреждении общественного питания разбавляли водой коньяк и подавали посетителям порции меньше предписанных правилами».

Я представил себе, что он сейчас чувствует. Его имя упомянуто в газете в заметке о жуликах! Бедный, заблудший парень! Несомненно, полубезумный и небритый он блуждает где-то сейчас не желая попадаться людям на глаза. Его гонят, преследуют угрызения совести. А он, бедняга, идет, бредет, бежит, не обращая ни на что внимания...

Я обязан сейчас же поговорить с ним. Набрал номер его домашнего телефона, позвал к телефону своего друга. Приятный женский голос ответил, что его нет дома.

— Вы не знаете, где он?
— Не знаю.

Просто фантастично, до чего равнодушны люди! Быть может, именно сейчас, в эти минуты, он подводит итог своей жизни: где он ошибся, что толкнуло его по наклонной плоскости, на которой уже нельзя было остановиться. Я видел перед собой Верпелети, стоящего на берегу Дуная и смотрящего на воду, темно-зеленую, мутную воду. Отто, не надо!

Нужно что-то предпринять! Я набрал номер треста ресторанов.

— Позовите, пожалуйста, Отто Верпелети.

— Его нет.
— Когда он придет?
— Он был, но ушел.
— Не знаете, куда?
— Не знаем.

А зачем им знать? О, это равнодушие! Неужели мы никогда не изменимся? Был, но ушел. Быть может, туда, откуда нет возврата. Его назвали в газете жуликом, и этот позор он не мог перенести. Да и как он мог смотреть в глаза жене, детям? Безусловно, он не спал ночь, метался в бессоннице по кровати, а теперь усталый и сломленный бродит там, где не видно людей. Может, ищет сук покрепче, на котором... Отто, не надо! Ты еще выйдешь на истинный путь!

Дрожащей рукой я набрал номер ресторана.

— Алло! Ресторан «Золотая собака»? Прошу Отто Верпелети!
— Сию минуточку!

Наконец я его поймал!

— Отто, это ты? Я сейчас же буду у тебя. Обещай, что ты никуда не уйдешь и ничего не сделаешь! Обещаешь? Мне необходимо с тобой поговорить!

Я сел в такси, чтобы поскорее добраться до него. В машине снова перечитал заметку. Что он ощутил, когда увидел свое имя? Вероятно, побледнел, газета выпала у него из рук, и ему пришлось за что-то ухватиться, иначе он упал бы. Потом он посмотрелся в зеркало и с отвращением отвернулся, увидев отражение жулика. А потом, когда я ему позвонил, он понял, что я все знаю, и подошел к домашней аптечке поискать успокоительного лекарства, потому что сердце забилось... Господи, уж не решил ли он отравиться?

Наконец я приехал. Ворвался к нему и крикнул:

— Отто, не надо! Не делай глупостей! Еще не поздно!

— Ты о чем?
— Я прочел в газете. Я все знаю!

Верпелети махнул рукой.

— Из-за этого ты взволновался? Напрасно. Я уже уплатил штраф...

В этот момент я упал в обморок. Волнение, тревога совершенно вымотали меня. Когда я пришел в себя, Верпелети заставил меня выпить рюмку коньяка.

Он был разбавлен водой.

Перевела Е. ТУМАРКИНА.

— Вы мне велели следить за дорогой, а не за ветками!

«Благ», Франция.

«Штерн», ФРГ.

— Вы говорите, эта статуэтка из слоновой кости? Но это же самый настоящий фарфор!
— Значит, у слона были вставные бивни.

●

Поздний вечер. К респектабельному господину обращается высоченный детина:
— Досточтимый сэр! Дайте мне тридцать фунтов — и вы спасете жизнь уважаемого и почтенного человека.
— Простите, но вы не производите впечатления ни уважаемого, ни почтенного человека.
— Но я же говорю о вас!

●

Жена мужу:
— Не понимаю, как можно проводить все вечера в пивной!
— Не понимаю, не понимаю! Зачем же говорить о вещах, которых ты не понимаешь?

— К сожалению, герр Штубке, я вынужден отклонить вашу просьбу; мы не можем прибавить вам зарплату.
— Я понимаю, господин директор, но нельзя ли в таком случае платить мне ту же зарплату, но чаще?

●

Внезапно разбогатевший на нефти техасец рассказывает приятелю, что намерен построить у себя три бассейна.
— Почему три?
— Один — с подогретой водой, другой — с более прохладной, а третий — без воды.
— Зачем же тебе бассейн без воды?
— Ты не представляешь, сколько приглашенных не умеет плавать!

●

Асман ГАСНУРИ (Судан)

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРОРА

Прокурор Джафар Насири шел домой от судьи Джелуда. Вечер был теплый, и он решил не вызывать машину из прокуратуры.

«Иногда полезно пройтись пешком,— решил он.— Так сказать, познакомиться с жизнью».

Час был поздний. До дома оставалось буквально несколько шагов, как вдруг прокурор услышал звон разбитого стекла.

Он увидел, как двое мужчин, разбив витрину магазина, находившегося в переулке, вытащили манекен и начали стаскивать с него костюм.

Заметив фигуру прокурора, грабители, подобно духам, растворились во мраке. Прокурор подошел к витрине. Полураздетый манекен лежал на спине, грустно глядя фарфоровыми глазами в звездное небо. За спиной прокурора послышался шум подъехавшей машины.

— Наконец-то ты попался! — сказал толстый полицейский. — Мы охотимся за тобой уже месяц... Твой тринадцатый манекен оказался роковым. Давай-ка сюда свои руки...

Полицейский поднял наручники, сверкнувшие в свете луны мертвенной синевой.

— Э... э... я не грабитель. Я прокурор Насири,— сказал он.

— Документы! — потребовал толстяк.

Прокурор пошарил по карманам. Документы остались дома.

— Да он вдребезги пьян!—брезгливо сказал второй полицейский. — Язык заплетается. И спиртным от него несет.

— Г... г... господа! Я выпил всего лишь один коктейль. И я в-вам сказал: «Я прокурор»,— он попытался отмахнуться от наручников, но задел полицейского по носу, за что получил убийственной силы удар в солнечное сплетение и, прокатившись по тротуару, сбил головой урну, щедро осыпавшую его своим содержимым.

Он пришел в себя в полицейском участке.

— Утром разберемся! — хмуро буркнул лейтенант.— Пусть проспится.

— Я н... н... не п... пьян. Я прокурор Н... Насири. Д...дайте мне п...позвонить по те...

— Сумасшедший! — сказал толстый полицейский.— Или притворяется, скотина...

Двое парней со зловещими физиономиями, которые уже сидели в камере, заметно оживились при виде прокурора.

— А вот и третий! — приветливо сказал один из них.

Он хлопнул окаменевшего от горя прокурора по шляпе, нахлобучив ее по самые глаза.

— Эй, чучело! — с улыбкой произнес он.— Сыграем в картишки? Мы как раз ждали третьего.

— Не... нет,— пробормотал прокурор.

— А ну, садись! — сказал другой парень.— И попробуй отказаться! Бифштекс сделаю!

К утру прокурор Насири с огромным, отливающим всеми цветами радуги носом предстал перед следователем.

— Я Насири. Прокурор Насири,— взмолился прокурор.— Я очутился тут по недоразумению...

— А у нас все по недоразумению,— добродушно согласился следователь.— И прокуроры, и судьи. Я бы советовал вам выдумать что-либо пооригинальнее. Итак, ваша фамилия?

— Позвоните судье Джелуду!

— Вы думаете, из-за каждого бродяги без документов, грабителя и к тому же алкоголика, о чем свидетельствует ваш нос, я стану беспокоить почтенного судью Джелуда? Да вы хам, милейший. Ваша фамилия?

— Я же вам сказал: Насири.

— Эй,— крикнул следователь охраннику.— Отведите этого типа в одиночку! Пусть посидит пару деньков, вспомнит свое имя.

Через сутки посеревший Насири попросился к следователю сам.

— Меня зовут Ахмед Мухамед,— сказал он.— Уже десять лет я бродяжничаю. Все ограбления манекенов — мое дело... Я прошу, чтобы меня судил Джелуд. Он строг и справедлив. Он воздаст мне полностью за совершенное мной зло...

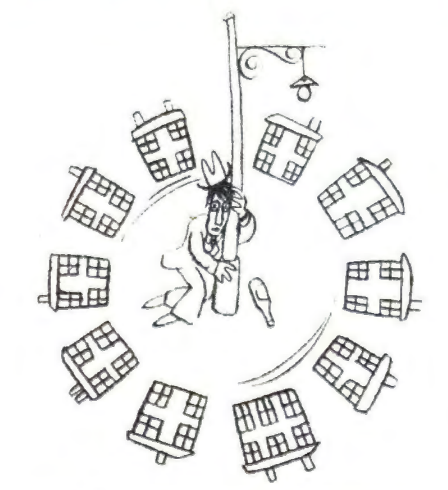
Вскоре прокурор Насири предстал перед судьей Джелудом, и злоключениям его подошел конец.

С тех пор он всегда ездит на черном «Плимуте», а сзади и впереди него катят, истошно визжа сиренами, две полицейские машины с охраной. Он находит, что так знакомиться с жизнью удобнее.

Перевел А. МОЛЧАНОВ.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Рисунки КАРАНДАША (Болгария)

— Я всегда думал: неужели нельзя включить энергию, вращающую все вокруг, прямо в производство?

Обручальное кольцо.

КРОКОДИЛ

№ 29 (2147)

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, И. Анчуков (Гродненская обл.), М. Вайсборд, Ю. Ерофеев, В. Жаринов, В. Мохов, К. Невлер, Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тильман, М. Ушац, В. Шкарбан.

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 17/IX 1975 г. А 08628. Подписано к печати 29/IX 1975 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 850 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 564 100). Изд. № 2489. Заказ № 1192.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Обработал ЛЕБЕДЕВ А.В.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗО ОБОЗРЕНИЕ

Юрий ЧЕРЕПАНОВ

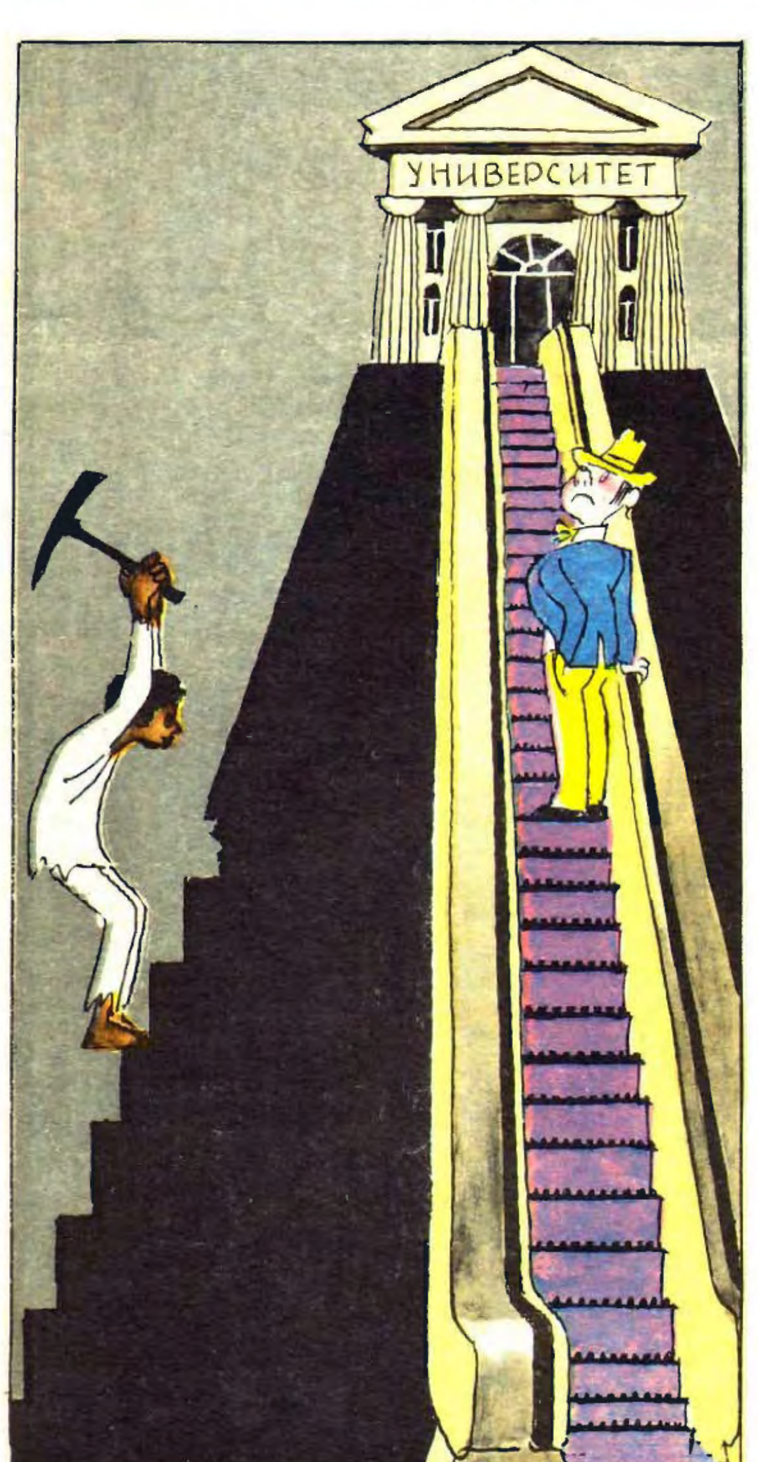
О том, что без доллара шагу не ступить, молодой американец узнает еще на студенческой скамье. И даже раньше — на подступах к ней. Стоимость обучения в университетах растет из года в год. По данным американской печати, даже семья с годовым доходом в 35 тысяч долларов (а таких ничтожное меньшинство) не может позволить себе дать высшее образование четырем детям. Что уж тут говорить о бедных негритянских семьях...

А в то же время те самые доллары, которых так не хватает на социальные нужды, полноводным потоком текут за рубежи Соединенных Штатов. Скажем, в Израиль. Как видно из сообщений американских газет, министр обороны этой страны Ш. Перес добивается поставок американского вооружения на сумму, превышающую 2 миллиарда долларов. В израильской заявке — новейшие истребители-бомбардировщики «Ф-16» и ракеты «Першинг», в радиусе действия которых, кстати сказать, находятся почти все ближневосточные страны.

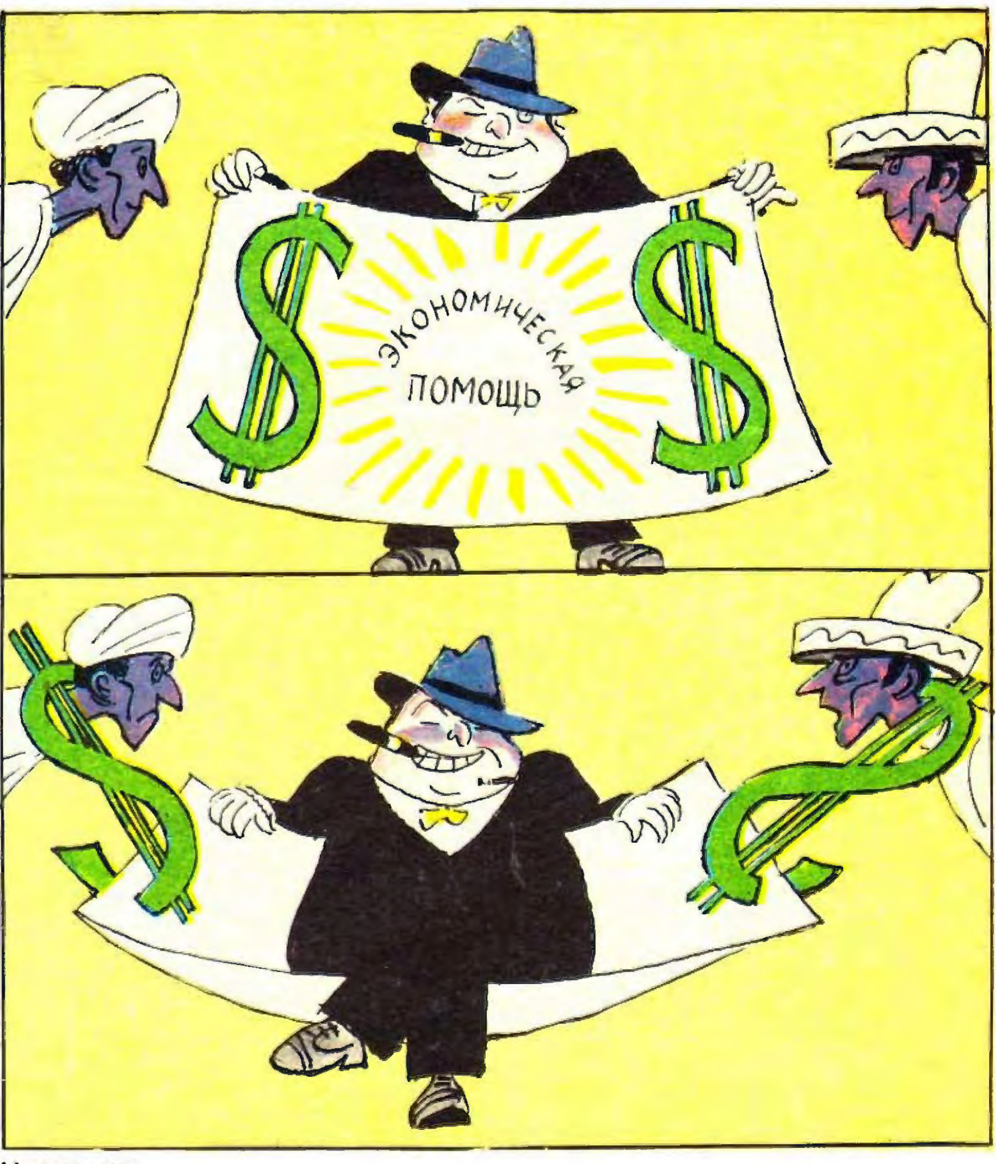
Впрочем, доллары утекают не только на Ближний Восток. Недавно в конгрессе обсуждался вопрос об «экономической помощи» развивающимся странам. Какова подлинная цель этой помощи, показано на третьем рисунке. Она не только привязывает «облагодетельствованные» страны к американской экономике, но и приносит американским монополиям, действующим там, огромные прибыли. Не случайно они не жалеют денег на взятки. Так, председатель совета директоров американской нефтяной компании «Галф ойл» Боб Р. Дорси сделал недавно в сенатской подкомиссии следующее признание: «За 10 лет наша компания израсходовала приблизительно 5 миллионов долларов на незаконные политические пожертвования за границей...»

— Подайте на пропитание...

Равные возможности.

На крючке.